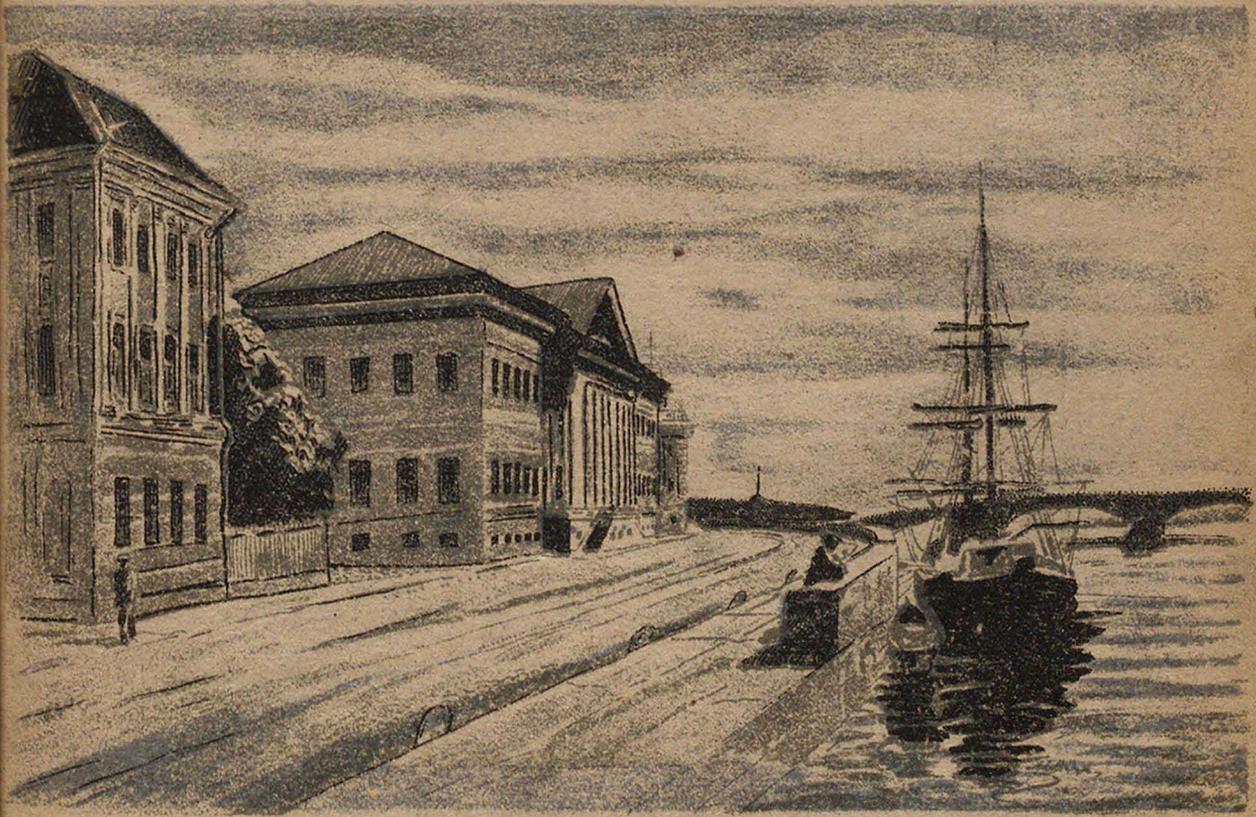

Вестник Знания

№ 15

1925

Всесоюзный праздник Науки

Специальный номер „ВЕСТНИКА ЗНАНИЯ“, посвященный юбилею Академии Наук.

ИЗД-ВО „П.П. СОЙКИН“ ЛЕНИНГРАД.

ВЕСТНИК ЗНАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
От Редакции: Привет Академии Наук	993
Акад. С. Ф. Ольденбург. Двести лет научной работы (Всесоюзная Академия Наук 1725—1925). <i>С портр.</i>	993
Почетн. Акад. А. Ф. Кони. К юбилею Акад. Наук. <i>С портр.</i>	1001
Б. Л. Модзалевский. Пушкинский Дом при Академии Наук. <i>С портр.</i>	1007
Акад. Н. Я. Марр. Письмо и язык будущего (об одной из грядущих задач Всесоюзной Академии Наук). <i>С портр.</i>	1011
Н. В. Граве. Современная структура Академии Наук. <i>С диаграммой</i>	1015
Работники Академии—сотрудники „Вестника Знания“. (Приветствия и пожелания Академии Наук). <i>С портр.</i>	1025 ✓
Проф. С. О. Грузенберг. „Солон России“ (Лейбниц и Академия Наук) <i>С портр.</i>	1027 ✓
Проф. В. Г. Богораз-Тал. Автобиография. <i>С портр.</i>	1029
Его-же. Четверть века назад в музее А. Э. Р. А. Н.	1031
А. Ширяев. Эпоха великих открытий в России. <i>С рис.</i>	1033
А. А. Мерварт. Машина времени в Академии Наук. <i>С рис.</i>	1037
Б. Н. Вишневский. От зверя к человеку	1041 ✓
Мученики науки в истории Академии. <i>С рис.</i>	1043 ✓
Приветствия Академии	1043 ✓
Всесоюзный праздник науки (Отчет о торжественном праздновании юбилея Академии Наук) <i>С рис.</i>	1045
Проф. А. В. Луначарский. Наука и революция	1047 ✓
Торжественное заседание пленума Ленгубисполкома, посвященное Академии Наук. <i>С рис.</i>	1051

ПРИЛОЖЕНИЕ: Книга 6-я —

МИКРОСКОП. НАН ЕГО САМОМУ СДЕЛАТЬ" Н. Н. Серебрянова.

От Редакции и Издательства „ВЕСТНИКА ЗНАНИЯ“

Громадный интерес наших читателей к новому учению А. Эйнштейна (теория относительности), выраженный во многих десятках писем и запросов, побудил Редакцию срочно озаботиться напечатанием авторитетного и, в то же время, популярного изложения этого „нового открытия в науке“.

На предложение Редакции написать популярное изложение принципа относительности согласился первый в СССР знаток этого вопроса известный ученый, почетный член Академии Наук, профессор Орест Данилович Хвольсон.

Осветить этот сложный вопрос, в небольших по объему статьях очередных номеров журнала, представлялось делом до чрезвычайности трудным и, таким образом, явилась необходимость в особой книжке приложений. Чтобы не откладывать этот, настойчиво выдвигаемый читателями, вопрос до следующего года, Редакция нашла возможным произвести некоторую замену в серии приложений в 1925 г. Книга „Теория относительности“ будет дана нашим подписчикам в текущем году, вместо предполагавшейся ранее книги „Наука о материальной культуре“. Производя эту замену, согласно с запросами многочисленных читателей, Редакция имеет в виду, что основные вопросы и тезисы книги „Наука о материальной культуре“ будут освещены в последней книге приложений „Изучение быта народов“ А. Д. Александрова. Рукопись книги проф. О. Д. Хвольсона, уже сдана в набор; по напечатании будет разослана подписчикам, при одном из ближайших №№ журнала.

От Экспедиции журнала „Вестник Знания“

Журнал „Вестник Знания“ № 14 сдан на городскую и на вногороднюю почту 28 сентября.

Вестник Знания

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР АКАД.-ПРОФ. Вл. М. БЕХТЕРЕВ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год с доставкой и пересылкой . . . 8 руб.
» месяц с доставкой и пересылкой . . . 1 »

№ 15—1925 г.

КОНТОРА и РЕДАКЦИЯ:

Ленинград, Стремянная, дом № 8.

ОТ РЕДАКЦИИ. «Вестник Знания», осуществляя свое назначение, с глубоким уважением приветствует Академию Наук, как неиссякаемый источник просвещения,—в знаменательный день ее юбилея.

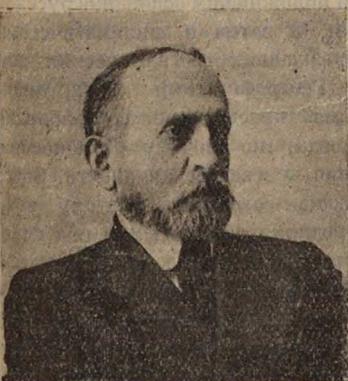
Всесоюзному празднику науки, проходящему под новым лозунгом «союз науки и труда», Редакция и Издательство «Вестника Знания» посвящают настоящий специальный номер журнала.

Редакция задержала выпуск специального Академического номера до окончания юбилейных торжеств, чтобы пополнить настоящий сборник статей видных работников Академии Наук—сотрудников «Вестника Знания» и общественно-научных деятелей отчетами о юбилейных торжествах, выдержками из наиболее знаменательных и ярких речей, приветствий и оригинальными набросками и снимками с торжества, сделанными нашими художником и фото-корреспондентом. Желание надолго сохранить этот ценный материал, теряющийся обычно на страницах и листках ежедневной прессы, побудило нас внести его весь в содержание настоящего номера.

Академик С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ.

Двести лет научной работы.

(Всесоюзная Академия Наук 1725—1925).

Сергей Ольденбург

Семнадцатый и восемнадцатый века навсегда останутся памятными и в истории человечества: громадные успехи математических и физико-химических наук вывели человечество на новые пути, создавалась новая наука, независимая от религии, создавалось новое, научное мировоззрение. В девятнадцатом и в пер-

больших, и тем не менее семнадцатое и восемнадцатое столетия останутся рубежом в истории развития человека, вся сознательная жизнь которого резко изменилась. На этом рубеже мы видим создание в Европе тех ученых организаций, которые носят название «академий», и которые сыграли такую большую роль в развитии наук, особенно наук физико-математических и естественных. В ряду этих академий одно из первых мест занимает Российская Академия Наук, основанная Петром двести лет тому назад.

Могло казаться просто сумасбродным основание высшего ученого учреждения в стране, почти не имевшей даже начальных школ. Но Петр был человеком глубоко практичным, он понимал хорошо, что в той революции, которую он руководил, и которая должна была ввести Россию в круг европейских держав, нельзя было идти медленными, осторожными шагами: всякая революция дерзает, в этом сила и значение всякой революции; если она своевременна, она сразу создает совершенно новые условия существования, которые еще незадолго до нее и не представлялись никому реально. Просвещение и науку

вую четверть двадцатого столетия наука сделала изумительные открытия и в области строения материи, и в областях бесконечно малых и бесконечно

в то время приходилось насаждать сверху, ибо не существовало тех организованных народных масс, которые могли бы взять дело в свои руки. Потому и начато было дело с высшего ученого учреждения, которое Петр предполагал объединить с Университетом и Гимназиею.

Своих людей не было, надо было пригласить иностранцев. Престиж Петра, интерес к новой стране, обещавшей научные открытия, и, наконец, в немалой мере и обещание хороших окладов, побудили крупных ученых войти в состав новой Академии. Ею интересовался еще до ее основания знаменитый Лейбниц, с которым советовался Петр. Для западной Европы возможность широко объединиться с громадной Россией была подобна открытию новой Америки, нового континента. Мы видим, как на первых же порах Академию интересуется и знаменитый Вольф, который по просьбе Петра и первого Президента Академии Блюментроста принял деятельное участие в выборе первых академиков. Выбор был в общем удачный, и первое основное периодическое издание Академии—«Комментарии» получило почетную известность во всей Европе. Математик Даниил Бернулли писал знаменитому Эйлеру: «Не могу Вам довольно объяснить, с какою жадностью повсюду спрашивают о петербургских мемуарах». Сам Вольф не решался приехать в Петербург, куда его усиленно звали; из его переписки видно, что он, которого и в Германии суеверные пиеисты преследовали за ученые труды, боялся, что в гораздо менее культурной России того времени трудно будет отстоять свободу научного исследования. Мы видим, однако, что на первых, по крайней мере, порах церковь совершенно не интересовалась Академиею и не мешала ей, что, конечно, зависело не мало от того, что все сознавали, что за Академиею стоял Петр. Недоразумения начались позже.

Если мы захотим уяснить себе, какие науки легли прежде всего в основу всей научной деятельности Академии и как бы предопределили ее дальнейшую работу, то мы должны сказать, что с самого основания Академии в ней наиболее процветала высшая и прикладная математика. К этому вскоре присоединились те науки, которые содействовали выяснению производительных сил страны: геология, минералогия, ботаника, зоология; к ним присоединились химия и физика. Изучению человека Академия уделила гораздо меньше внимания, и то главным образом лишь в той мере, в какой это имело отношение к народам, населявшим Россию и сопредельные страны, особенно Восток.

Характерно вместе с тем, что очень рано Академия приступила и к популяризации науки: читались публичные лекции, открыта была знаменитая «Кунсткамера», первый из русских публичных музеев, который усердно посещался; делались переводы с иностранных языков; Академию печатались и календари, причем в месяцесловах академики поме-

щали разнообразные научные статьи в общедоступном изложении. Если к этому прибавить, что с Академиею были соединены Университет и Гимназия, и что до 1763 г. Академия Наук была некоторое время и Академиею Художеств и имела ряд художественных мастерских, то станет понятным выдающееся положение, которое Академия заняла в XVIII веке по отношению к науке и просвещению в России, что и выработало в ней такие прочные традиции широкой научной работы.

Успех всякой научной работы зависит прежде всего от научных работников, их научного значения и затем от организации их работы. В отношении научных работников обстоятельства сложились очень благоприятно для нашей Академии, которая с первого же времени своего существования имела в своем составе людей, принадлежавших к числу крупнейших ученых Европы. В отношении организации дело в течение довольно долгого времени стояло хуже, и при преемниках Петра отношение власти к Академии и ее нуждам было чрезвычайно переменчиво; сами академики, люди науки, погруженные в свою работу не отличались особенной практичностью, и академическая канцелярия вершила дела далеко не всегда к пользе Академии и науки. Тем не менее, мы видим, что идет интенсивная работа не только кабинетная, но и практически—исследовательская: уже в 1733 г. Академия принимает участие в знаменитой сибирской и камчатской экспедиции Беринга.

В 1739 г. при Академии образуется Географический Департамент, которому мы во первых обязаны известным «Атласом Российской Империи», изданным Академиею в 1745 г. и положившим основание русской научной картографии, а затем и систематическим собиранием разнообразнейших географических сведений о России. Географический Департамент связан и с первыми краеведческими работами в нашей стране, когда, по почину Ломоносова, была разослана первая краеведческая анкета. Здесь любопытно отметить, как отнеслись к этому важнейшему научному предприятию Академии оба главных правительственных учреждения—Сенат и Синод, к которым обратилась Академия с просьбой о распространении анкетных запросов. Сенат охотно пошел навстречу географическому исследованию и оказал ему всяческое содействие, Синод же уклонился и не пожелал помочь Академии, что вызвало несколько обостренную переписку. Академия ясно сознала, что без местных людей ей не справиться с одною из главных своих задач—изучением громадной страны, и что экспедиции, которые она постоянно снаряжала, должны опираться и на местную работу. В XVIII веке мы можем распределить экспедиции Академии на три периода: 1) с 1733—55; 2) с 1768—75 и 3) с 1780—1795.

В экспедициях приняли участие и оставили нам описания: Крашенинников, Стеллер, Георги, Гмелин,

Паллас, Лепехин, Фальк, Гольденштедт. Их описания во многих отношениях сохранили научное значение и теперь. Читая их, поражаешься разносторонности, умению наблюдать и точности в работе академических работников. Не даром знаменитые академические экспедиции XVIII века служили образцом для подобных предприятий.

Академия имела в своей среде столько крупных ученых, что потребовались бы тома, чтобы дать представление о том, что ими было сделано. Но чтобы дать хоть некоторое представление об этой академической работе, я остановлюсь на двух академиках, хорошо известных по имени всякому образованному человеку, на Ломоносове и Чебышеве.

В Ломоносове нас поражает удивительная разносторонность, громадная инициатива и поразительная работоспособность. Ломоносов — и физик, и химик и вместе с тем физико-химик, желающий строить химию на математических началах. Он же минералог, металлург и геолог; его же интересует метеорология для занятий которой он изобретает самопишущие приборы. География увлекает его, и он становится во главе Географического Департамента, в связи с которым составляет краеведческую анкету. Но Ломоносову мало всего этого, чего хватило бы на несколько других жизней;

он работает в области языка, пишет грамматику, создает ряд научных терминов: когда мы говорим напр., такими словами, как атмосфера, барометр и многими другими подобными, то мы обыкновенно не знаем, что ими мы обязаны Ломоносову. Он пишет грамматику и риторику. Ломоносов же истинный родоначальник русского литературного языка, который он создал, отделив по возможности все церковнославянские слова и обороты. Если мы сравним его стихи с стихами другого создателя нового русского языка Третьяковского, то сразу видно громадное значение Ломоносовского «штиля». Ломоносов занялся и историей России. Его глубоко интересовали вопросы экономические, и мы знаем о том, что он готовил «экономические ландкарты». Известно знаменитое письмо Ломоносова И. И. Шувалову: «О размножении и сохранении Российского народа». Обширные научные занятия не лишают Ломоносова способности отдаваться общественной работе: мы знаем о его громадном значении в этом отношении для Академии, где он был одним из руководящих членов; мы знаем об его участии в создании Московского Университета, который всегда был первым из русских университетов. И

всего этого было мало Ломоносову: он создает в России новое производство — мозаичное, памятники которого бережно хранятся теперь нашими музеями и поражают нас высокой степенью совершенства. Никто, конечно, из его современников академиков и из преемников их не мог сравниться с ним в разносторонности, но все-таки разносторонность стала академической традицией. Русская жизнь требовала этой разносторонности, но куплена была она и для такого человека, как Ломоносов, очень дорогою ценою: если в русской жизни гениальный крестьянин-ученый занял исключительное место в истории науки и просвещения, то это произошло благодаря тому, что он не отдался исключительно одной науке и не сделался тою мировую величиною, тем русским Ньютоном, каким бы мог стать, благодаря своему гению. Ломоносова оценили как ученого вполне почти через полтора ста

лет после его смерти, потому что многие гениальные открытия он мог только наметить, а не разработать, занятый трудами, непосредственно необходимыми в то время для жизни. В русской жизни это была трагедия не одного только Ломоносова; по условиям этой жизни, русскому ученому всегда было особенно трудно выжить себя вполне именно как ученому, потому что надо было всегда думать о нуждах просвещения своего на-

рода и практическом применении научных достижений.

Другого типа человеком был знаменитый математик XIX века П. Л. Чебышев. Его значение как математического гения можно выяснить с достаточной полнотой для математиков специалистов, потому что сложные математические истины еще никто не научился перелагать на общедоступный язык; но в творчестве великого математика есть одна, и притом чрезвычайно важная, сторона, которая может сделаться понятной каждому. Чебышев был практик, но практик особого рода: «практические запросы превращались им в соответствующую математическую теорию, представлявшую новое открытие в области чистой науки, эта же последняя не оставалась в области чистой мысли, а воплощалась в реальную действительность, в различного рода машины и механизмы, которые служили как бы вещественным осуществлением его теоретических достижений», так говорит о Чебышеве его преемник, академик Стеклов. Эта черта Чебышева красною нитью проходит через всю его биографию. Молодого, но уже известного крупными научными трудами Чебышева команди-

В. В. Блюментрост,
первый президент Академии Наук.

А. П. Карпинский,
настоящий президент Академии Наук.

руют за границу для осмотра фабрик, заводов, мельниц, для изучения практической механики. Как же он понял свою задачу? На это нам тот же его биограф отвечает чрезвычайно ярко: «... он отмечает недочеты тогдашней теории мельниц, приходит к заключению, что теория эта должна быть построена на новых началах и ставит задачей не только найти аналитические выражения для определения количества работы данной мельницы, но и для определения наиболее выгоднейшей для этой работы формы крыльев». Чебышев превращал практические вопросы в математические теории, которые он затем в свою очередь использовал для практики. Не математику трудно себе представить эту громадную работу Чебышева в его удивительной двойственности—теоретической и практической. Во «Французской Ассоциации для успехов науки» он сделал в 1878 г. доклад «О кройке платьев». Казалось бы, что общего с математическими достижениями у этой портняжной темы? Между тем она одно из блестящих применений одной из математических теорий. В исследовании «о построении географических карт» Чебышев касался той же теории, преследуя вместе с тем практическую цель: «выбрать из всех возможных такую проекцию, с таким масштабом, чтобы она давала возможно наименьшее искажение изображаемого участка земли». Он искал всегда экономики труда, с этим важнейшим вопросом связан ряд его работ и изобретенных им приборов. Приемы приближенных вычислений, имеющих такое громадное значение для прикладных и опытных наук, тоже приковывали к себе внимание Чебышева. Если подвести итог работе его теоретической и практической мысли, то мы можем сказать словами самого Чебышева, что им руководила «общая и важнейшая для всей практической деятельности человека мысль: как располагать средствами своими для достижения по возможности большей выгоды».

Конечно, не все члены Академии сделали так много в науке, как Ломоносов и Чебышев, но характер их работы приблизительно такой же, с той разницей, что организация научной работы в XVIII веке с одной и XIX и XX с другой в значительной мере иная. В XVIII, как и в XVII веке, основная научная работа производилась почти исключительно академиями, высшая школа больше учила, чем исследовала. Научные общества, съезды, ассоциации—дело XIX-го и начала XX века. XVIII век знал совершенно иную форму общения ученых, почти недоступную нашему лихорадочному времени: частную переписку специалистов. Многие из этого драгоценного материала погибло, но кое что издано, а еще больше ждет издания. В научных собраниях нашей Академии хранится в этом отношении большой и ценный материал.

Конец XVIII и начало XIX столетия были трудными временами для Академии, и работа ее за это время значительно ослабла, хотя к этому времени относятся образование Азиатского Музея знаменитым нумизматом и востоковедом Френом, и участие Академии

(в 1818 г.) в ряде путешествий. В 1803 г. был утвержден новый устав Академии, который в 1836 г. сменился другим уставом, не тронувшим, однако, сущности Академии. Вновь энергично заработала Академия при новом Президенте С. С. Уварове, который съумел за 37 лет своего президентства сделать много для Академии. При нем закрытая как самостоятельное учреждение «Российская Академия» вошла в 1841 г. в состав Академии Наук, как ее Второе Отделение, «Отделение Русского Языка и Словесности». В 1838 г. была учреждена, в связи с Академией, Пулковская Астрономическая Обсерватория, в 1849 г. Главная Физическая Обсерватория. Знаменитая «Археографическая экспедиция» Строева, организованная Академией, имела громадное значение для архивного дела в России и послужила поводом для открытия Археографической Комиссии, известной своими ценными изданиями архивных документов. Академия, имея в своем составе крупных востоковедов, получила, благодаря Уварову, крупные и ценные восточные коллекции и чрезвычайно развила изучение Востока, причем сразу заняла одно из первых мест в этом отношении в Европе. В первой половине XIX века относится и полное переустройство старой Кунсткамеры Петра, уже не удовлетворявшей новым требованиям музейного дела; из нее образовался ряд академических музеев: Зоологический, Этнографический (к которому потом было присоединено антропологическое отделение), Ботанический, Минералогический и Геологический—было приобретено новое здание для типографии, которая требовала все большего расширения, благодаря усилению издательской деятельности Академии. Все усиливалась научная работа Академии и умножались связанные с нею научные учреждения. За то отошли от Академии предприятия, которые жизнь естественно повела по более широкому руслу: в 1865 г. отменена привилегия на издание календарей, которыми Академия занималась еще с XVIII века; отошли от Академии и две газеты «С.-Петербургские Ведомости» и немецкая «С.-Петербургская газета».

Крупной переменой в жизни Академии, по наступившей лишь постепенно, была замена иностранцев русскими, связанная с общим ростом науки в университетах и ученых обществах, созданию и работе которых не мало содействовали члены Академии... Благодаря этому новому составу, связь Академии с русской жизнью стала значительно теснее, хотя следует признать, что и члены Академии иностранцы всегда считали одною из главнейших своих научных задач изучение страны.

Еще теснее свели Академию с жизнью война и революция: жизнь потребовала срочного и интенсивного применения научных достижений к практике. Образовались при Академии две Комиссии, одна для изучения естественных производительных сил страны, другая для изучения племенного состава населения. Первая произвела большую работу по исследованию

громдного разрозненного материала об естественных производительных силах, дополняя старые материалы изысканиями на местах. Комиссией уже издано много монографий и сборников статей. Комиссия для изучения племенного состава населения сослужила большую службу при мирных переговорах, когда нужно было проводить границы в зависимости от того или иного состава населения пограничных областей. Важна работа Комиссии и издаваемые ею племенные карты именно теперь, когда самоопределение национальностей вызвало образование ряда республик и автономных областей.

Большое значение приобрел и Физико-Математический Институт с Сейсмической Комиссией и сетью станций, раскинутых по всему Союзу. В последнее время им производится и ряд наблюдений над изменениями силы тяжести, важных для горного дела. Химическая Лаборатория, основанная еще в XVIII в. Ломоносовым, так расширила за последние годы свою работу, что превратилась в Исследовательский Химический Институт. Три биологические лаборатории Академии: Физиологическая, академика Павлова, Особая Зоологическая и Лаборатория по Анатомии и Физиологии растений объединились в одном здании и составили уже основу будущего большого Биологического Института. Лингвистика, имеющая такое близкое отношение к этнологии, представлена Яфетическим Институтом, изучающим человеческую речь с точки зрения остатков первобытного мышления и первобытного выражения этого мышления, главным образом поскольку они сохранены нам в живых языках.

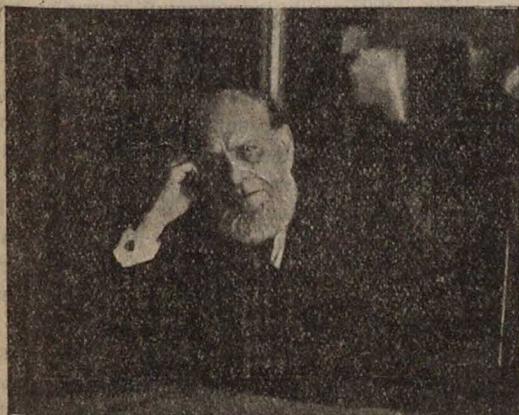
Шесть музеев: Геологически-Минералогический, Зоологический, Ботанический, Музей Антропологии и Этнографии, Азиатский и Пушкинский Дом (Музей новой русской литературы), из которых часть, как было указано, являются преемниками Петровской Кунсткамеры, нашего первого Музея, ведут громадную работу по собиранию научных материалов; их экспозиции с научно-образовательным подходом являются одним из самых сильных средств просвещения широких масс.

Мы говорили о значении академических экспедиций XVIII века, указали, что и в XIX веке продолжалось это исследование нашей громадной страны. Сейчас мы видим усиленное возобновление экспедиций в связи с самыми разнообразными изысканиями. Кроме того, мы в начавшемся с этого года всестороннем исследовании Якутской республики, видим новый, комплексный тип экспедиций, повторяющий со всеми новейшими научными достижениями академические экспедиции XVIII века. Этому типу суждено, несомненно, приобрести скоро такое же значение, как и краеведческой работе, в которой Академия принимала, принимает и будет принимать деятельное участие.

Ближайшие задачи будущей работы Академии предопределяются сами: интенсивная исследовательская теоретическая работа и ее организация в союзном и мировом масштабе, деятельное и планомерное исследование нашей страны во всех отношениях путем экспедиций с одной стороны и организацией и поддержкой местных краеведческих исследований с другой. Таким путем она лучше всего исполнит свой долг—внести науку в жизнь для наилучшего ее устройства и понимания.

Почетный Академик А. Ф. КОНИ.

К юбилею Академии Наук.

Александр Ф. Кони

Юбилей Академии Наук, в течение двух веков благотворно проливавшей свет знания и просвещения на русскую землю и бывшей в живом общении с учеными учреждениями других стран,—вызывает ряд воспоминаний о ее деятельности, как в целом, так и в отдельных составных ее частях. Одной из них, существующей лишь четверть века, хочется посвятить настоящие отрывочные воспоминания. Это—«Разряд изящной словесности», основанный по поводу столетнего юбилея великого русского поэта.

Строгая и специально научная работа Отделения русского языка и словесности, несмотря на свою большую ценность, не могла не вызвать желательности близкого и непосредственного отношения к наиболее видным явлениям русской текущей литературы и к интересам родного языка. Сознание этого нашло себе особое выражение в работах Юбилейной Комиссии, образованной при Академии для выработки мер к ознаменованию наступавшему 26 мая 1899 года

столетия со дня рождения Пушкина. В ней была возбуждена и разработана мысль о необходимости и чтить память величайшего русского поэта учреждением особого Разряда изящной словесности при Отделении русского языка и словесности в состав его вошли наиболее выдающиеся из современных русских писателей, критиков и служителей русского слова. По предложению некоторых членов совещания, доступ в этот разряд следовало открыть и для выдающихся художников, артистов и композиторов. Это широкое и достойное памяти Пушкина предложение было, однако, отвергнуто по довольно односторонним соображениям, но начало фактически осуществляться в последние годы перед революцией. Первыми избранными в почетные академики Разряда, число которых затем по штатам было ограничено двенадцатью—были: Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, поэты: К. Р. (б. кн. Константин Константинович), гр. Голенищев-Кутузов и Алексей Жемчужников; глубокий знаток народной жизни и языка, автор «Года на Севере» Максимов; самобытный философ, критик и поэт Владимир Соловьев; драматург Алексей Потехин и пишущий эти строки.

В течение нескольких лет до этого мне, как юристу, приходилось принимать участие в разъяснении возникавших по делам, касавшимся Академии, вопросов гражданского права и процесса. Таким, например, был вопрос о признании недействительным завещательного распоряжения Ахматова об учреждении им в Академии премии его имени, в виду обнаруженного завещателем перед смертью ненормального состояния, выразившегося в крайней мизантропии. Апелляционный суд разделил заявленный от лица Академии взгляд о действительности завещания, так как оно составлено не в состоянии помешательства, а тогда, когда завещатель был еще совершенно здоров. В 1895 году мне пришлось вместе с В. В. Стасовым участвовать, по приглашению Академии, в торжественном заседании, посвященном памяти известного юриста и исследователя русского народного искусства Д. А. Ровинского, а в 1899 году— в день Пушкинского юбилея, будучи в звании почетного члена Академии, получить поручение произвести в торжественном ее заседании речь «об общественных взглядах и идеалах Пушкина».

С 1900 года Разряд приступил к своей деятельности в непосредственной связи со II Отделением, при чем работа его распалась на несколько видов. В о-п е р в ы х, приходилось пополнять состав Разряда выбором новых членов, так как смерть быстро похитила многих из первоначально избранных. При последовательных выборах до 1917 года звание Почетных Академиков получили: критик и публицист К. К. Арсеньев,—плодовитый беллетрист П. Д. Боборыкин,—поэт и историк западных литератур П. И. Вейнберг,—известный драматург Сухово-Кобылин,—исследователь литературного творчества

Овсяннико-Куликовский, Владимир Васильевич Стасов, гонимый критик и историк литературы Н. А. Котляревский, Алексей Веселовский, поэт Бунин, профессор Зелинский, драматург и критик Южнин-Сумбатов,—основатель и руководитель Московского Художественного театра Станиславский и знаменитый польский писатель Генрих Сенкевич. Во всех этих выборах Разряд был совершенно свободен от влияния партийных соображений и взглядов отдельных литературных лагерей.

Во-вторых, на Разряде лежала большая работа по рассмотрению представляемых для соискания Пушкинской премии многочисленных оригинальных сочинений и переводов и по присуждению за достойные из них целой или половинной денежной премии или почетного отзыва. При этом Разряд согласно взгляду большинства своих членов, при оценке представляемых сочинений обращал главным образом внимание не только на творческое содержание, но и на язык последнего. В первом отношении приходилось нередко, несмотря на талантливость произведения, отказывать в присуждении премии, в виду проявленного в нем стремления угодить низменным побуждениям читателя, под влиянием начавшей вторгаться в нашу беллетристику порнографии. Разряд признавал, что одна талантливость, которой, однако, нельзя отрицать и у Казановы, и у маркиза де-Сад, не может служить исключительным мерилем достоинства произведения.

Во втором отношении Разряд, следуя горячим заветам Пушкина и Тургенева, считая своей задачей оберегать при разборе представленных сочинений чистоту и богатство русского языка от начавшегося с конца восьмидесятых годов прошлого века вторжения в него, без всякой нужды и основания, иностранных слов, а также оскорбляющих зрение, слух и здравый смысл выражений, якобы поэтических оборотов и нечленораздельных звуков. Уже в первом заседании Разряда был поднят вопрос о задаче Академии в этом отношении, вызвавший почти во всей печати сочувственный отзыв, за исключением лишь единичного протеста. В третьих, деятельность Разряда была направлена на разработку отдельных вопросов, касавшихся насущных интересов литературы, а также прав племенных языков и наречий. Между первыми особенно выделялись доклады в 1900 году Владимира Соловьева и в 1902 году К. К. Арсеньева, стремившиеся положить предел случайному и произвольному усмотрению власти, часто направленному на стеснение живой мысли, глубокого чувства и творчества автора. В четвертых, под непосредственным наблюдением Разряда изящной словесности в связи со II Отделением Академии находилось издание «Академической библиотеки русских писателей» руководимое почетным, а затем ординарным академиком Котляревским, при чем была выпущена в свет: с 1910 по 1915 г. сочинения Лермонтова под ред. проф. Д. И. Абрамовича, в 4 томах.

А. С. Грибоедова под редакцией Пиксанова; Боратынского под редакцией Гофмана и Кольцова под ред. А. И. Лященко. Все эти книги снабжены обильными и подробными примечаниями. В пятых, члены Разряда выступали в публичных годовых или торжественных собраниях Академии—с соответствующими целям заседания речами. Между последними своей глубокой содержательностью отличались речи Овсяннико-Куликовского и Н. А. Когляревского. Мне пришлось сверх указанной выше речи о Пушкине еще два раза говорить о нем в публичных заседаниях Академии: в 1904 году «о задачах брачной жизни и о страстном стремлении к ней великого поэта» по поводу его замечательного, найденного мною в бумагах покойного Б. Н. Чичерина, письма к Зубкову— и в 1924 году, в день 125-летней годовщины рождения Пушкина о его тяжких житейских испытаниях. Затем мною в торжественных заседаниях произнесены речи, посвященные памяти кн. В. Ф. Одоевского, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева (в двадцатипятилетие его смерти и в столетие его рождения), почетного члена Академии Дмитрия Алексеевича Милютина, покойного почетного академика «К. Р.» и др. Кроме этого Разряд возложил на меня присутствие в Симбирске (ныне Ульяновск) в 1912 году при закладке дома-музея, посвященного памяти Гончарова, по случаю столетия его рождения, и в торжественном заседании по этому поводу в местной Архивной комиссии. Публичные речи и отчеты о сочинениях на Пушкинскую премию, печатавшиеся в Известиях отделения русского языка и словесности, а также в органах печати несомненно поддерживали в обществе интерес к трудам Разряда и в значительной степени объясняли тот большой наплыв слушателей в Академию, которым сопровождалось известия о предстоящем публичном ее заседании. Иногда и другие Отделения, имевшие в своем распоряжении разные премии, обращались к почетным академикам с предложением дать подробный разбор того или другого сочинения. Так, пишущий эти строки представил по приглашению историко-филологического отделения подробные разборы поступивших на соискание Ахматовской премии: замечательной книги П. С. Пороховщикова: «Искусство речи на суде»; труда профессора М. Н. Гернега «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества»; «Курса уголовной политики» профессора Чубинского и глубоко-содержательной, богатой данными, книги Ясевич-Бородоевской «Борьба за веру» (очерки по старообрядчеству и сектанству).

За время существования «Разряда», по поводу подлежавших его решению вопросов, конечно, не раз возникали разногласия и горячие прения, особенно при попытках вернуться к осуществлению избрания в члены Разряда представителей искусства.

Жизнь Разряда не обошлась без тревог и бурь. Под шум Пушкинских торжеств прошло постановление о полной независимости и самостоятельности

Разряда в выборе своих сочленов, которые, быв однажды избраны, затем уже не подвергались никакому коллегиальному или единоличному утверждению. Это, очевидно, не нравилось властям, привыкшим к обычному приему: «тащить и не пущать». Выбор в почетные академики Максима Горького, возбуждавшего против себя трусливую подозрительность, очевидно, превзошел меру терпения и по докладу министра внутренних дел Сипягина этот выбор был признан недействительным под предлогом производства о Горьком еще неоконченного, свободного от всяких гарантий личности, политического дознания. Ответом на это было сложение В. Г. Короленко с себя звания почетного академика. Его примеру последовал Чехов. Остальные члены Разряда, вполне признавая всю произвольность присвоения себе господами Сипягинными права оценивать литературные заслуги писателя с точки зрения его «благонадежности», нашли, однако, что коллективное сложение с себя звания всеми повело-бы к совершенному упразднению Разряда, которому предстояла во многих отношениях полезная роль, и доставило-бы неожиданное удовольствие инициатору этой меры. Нечего и говорить, какую болью в сердце остальных членов Разряда отозвалось лишение таких сотоварищей и сотрудников, как Горький, Короленко и Чехов.

Враждебное отношение к Академии вообще и к Разряду в особенности нашло себе резкий и неожиданный отголосок в стенах нашей бывшей верхней палаты в особом мнении одного из ее выборных членов, принадлежащего к группе правых, об отпуске средств на устройство в 1913 году общего собрания Ассоциаций Академий. Им было заявлено, что «Академия имеет в своей среде лиц, открыто и к великому соблазну народа исповедующих свое отступничество от веры отцов, и что самые действия этой ученой коллегии в области покровительства и поощрения народного творчества насаждают и поощряют литературу предосудительного, почти преступного характера, доказательством чему и притом не единичным, служит присуждение (по докладу покойного ученого исследователя иконографии, академика Кондакова) почетного отзыва Е. Милицыной за ее книгу «Расказы».

Разряду грозила и другая опасность, возникшая так сказать, изнутри. Одним из членов его было внесено предложение об увеличении числа почетных академиков до двадцати пяти человек, принятие которого грозило бы несомненным понижением уровня требований, предъявляемых представителям действительной литературной деятельности, в ее серьезном объеме, имеющей мало общего с фельетонным характером произведений, рассчитанных на мимолетный успех, благодаря подделке под «злобу дня»...

Кончая эти строки, я чувствую, что «воспоминание передо мной свой длинный развивает свиток» и я вижу, как живых, моих покойных сотоварищей по Разряду со всеми их оригинальными чертами и

свойствами. Вот—пылкий, несмотря на свои годы, громогласный и упорный Владимир Васильевич Стасов, насмешливо прозванный «Иерихонскою трубой», но в действительности бывший, по выражению Бэкона, «трубой, зовущей на бой» с предрассудками и рутиной в служении искусству, науке и литературе. Вот—одухотворенный и часто задумчивый лик Владимира Соловьева, то с пристальным, то с затуманенным взглядом, с необыкновенной ясностью изложения серьезных вопросов и запросов из области философской мысли, с тонким юмором и детским наивным смехом. Вот—волнующийся, «с наскоком» в спорах, П. Д. Боборыкин и—глубоко беспристрастный в своих тщательно разработанных мнениях, в которых юрист преобладает над публицистом—К. К. Арсеньев. Вот—неисчерпаемый кладезь самых разнообразных литературных справок, остроумный П. И. Вейнберг с лицом и длинный бородой ветхозаветного патриарха. Нужно ли говорить затем о впечатлениях, которые оставляли житейские встречи с сердечным и подчас резким Короленко; с богатым художественным содержанием и трогательным Чеховым и с глубоко завоевывавшем ум и сердце слушателей непревзойденным историком русской жизни и быта Ключевским, который был избран почетным академиком

незадолго до смерти?.. «Иных уж нет, а те далече, как Саади некогда сказал». Да будет умершим из них легка своя и чужая земля! Да живет память о них долгие, долгие годы! В трудное время пришлось им жить и проявлять свои талант, знания и стойкость убеждений. Не даром во главе первых и избранных почетных академиков стоял до самой своей смерти Лев Николаевич Толстой! Отдаваясь личному чувству, хочется в эти юбилейные дни послать свой привет Южину-Сумбатову и Станиславскому, пожелав первому из них укрепления его сил для воплощения вечных художественных созданий и для авторитетного руководства артистов в глубоко сознательном отношении к задачам театра, а второму—продолжения его высокоталантливой личной и организаторской деятельности. Среди всех этих образов, завершая их, тихим примирительным светом сияет председатель Разряда (в качестве председателя Отделения р. я. и с.) Алексей Александрович Шахматов, глубокая эрудиция которого, знаменитое научное имя и многообразная деятельность сливались с крайнею личною скромностью и умением руководить заседаниями Разряда, чутко и отзывчиво относясь к его задачам. Tale nomen nulum par elogium! хочется сказать, вспоминая его, так рано, так горестно ушедшего от нас!

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ.

Пушкинский Дом при Академии Наук.

«Вестнику Знания»
Б. Модзалевский?

которую поистине может гордиться создавший ее русский народ.

Празднование 200-летия Академии Наук совпадает с новой эрою в жизни одного из наиболее молодых ее научных институтов — Пушкинского Дома. Академия бережно и любовно относится к этому, создавшемуся в ее могучем организме единственному не только в СССР, но и во всем мире научному историк-литературному институту, являющемуся у нас живым! просветительным памятником Пушкину и всей русской литературе,

Около имени Пушкина, в течение почти столетия протекшего со времени его смерти, всегда объединялось все, что было лучшего в жизни нашего общества. Не говоря о том поклонении со стороны образованного русского общества, которым был окружен Пушкин, как писатель, при жизни, вспомним о получившей значение общественного события трагической гибели на дуэли поэта, павшего жертвой уродливых сторон современного ему социального строя; вспомним об общественном празднике открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 году, на который стеклись тысячи людей со всех концов России; вспомним, наконец весну 1899 года—столетний юбилей рождения Пушкина: празднование этого юбилея, организованное Академией Наук, охватило круги населения, еще более широкие, чем за 19 лет перед тем и было уже, можно сказать, праздником всероссийским. Если, однако, в празднованиях 1880 и 1899 г. народные массы приняли сравнительно небольшое участие, то в минувшем 1924 году чествование памяти поэта по случаю исполнившегося 125-летия со дня его рождения носило уже, в некоторых местностях, вполне народный характер. Это чествование показало, что Пушкин вечно дорог, памятен и близок всем безразличия русским людям; мыслители же и критика

нашего времени в своих статьях по поводу этого чествования подчеркнули духовную близость поэта к современному нам читателю, основанную на непреложной, могучей стихии его поэзии.

Вот во имя этой то стихии и создан при Академии Наук Пушкинский Дом, о котором мы хотим сказать нашим читателям несколько слов, в связи с юбилеем Академии и с открытием при Доме постоянной историко-литературной выставки.

Пушкинский Дом создан при Академии Наук после упомянутого выше юбилея 1899 г., как памятник Пушкину; Академия решила, вместо обычного, мало говорящего и всегда безжизненного изваяния поэта, создать в его славу такое научное учреждение, которое, являясь постоянным напоминанием о Пушкине,—памятником ему,—в то же время служило бы и научным целям изучения Пушкина, содействовало бы распространению его сочинений и сведений о нем и было бы посвящено изучению всей вообще русской литературы, как Пушкинского, так и после-Пушкинского периодов,—короче говоря,—всей русской литературе XIX века. К эпохе революционного 1905 года относится начало работ Академии в этом именно направлении,—когда такое учреждение, под именем Пушкинского Дома, и получило свое первое основание: тогда начались хлопоты по сборанию рукописей, сочинений и личной библиотеки Пушкина и рукописей всех других, великих и малых писателей, их печатных сочинений, книг о них, их портретов и других изображений, реликвий и т. д.

Встретив полное сочувствие своему просветительному начинанию, Академия настолько энергично вела дело созидания Дома, что уже в 1913 г. явилась возможность издать первый «Временник Пушкинского Дома», в котором был дан отчет о собранных Домом ценных материалах о Пушкине, Лермонтове, Грибоедове, Гоголе, Тургеневе, Толстом, Достоевском, Некрасове, Салтыкове, Гончарове, Белинском, Жольцове, Герцене, Добролюбове, Чернышевском и т. д.

Непрерывно расширяясь и обогащаясь,—главным образом путем добровольной передачи рукописей, книг, портретов и т. п., к настоящему моменту Пушкинский Дом, разделяющийся на 3 Отделения—Рукописное, Отделение книжных собраний и Музейно-иконографическое, обладает собранием рукописей всех без исключения русских писателей, а также критиков, публицистов, журналистов, художников,—в общем до миллиона документов (в том числе до 400 №№ подлинных автографов Пушкина); затем—библиотекою, насчитывающею свыше 40.000 названий в более чем 120.000 томах книг исключительно по русской литературе,—и, наконец,—музейным отделом, в котором собраны портреты всех, по возможности, русских писателей, начиная с Пушкина и его старших предшественников и современников и до настоящего времени, а также статуи и бюсты многих

из них, иллюстрации к их произведениям, виды местностей, с их жизнью связанных, предметы, им принадлежавшие (реликвии), напр. многие вещи Пушкина, отдельные вещи Державина, Карамзина, Лермонтова, Тургенева, Некрасова, Гончарова, Герцена, Чернышевского, Глеба Успенского, Гаршина, Михайловского, Л. Андреева и др.

Все три отдела Пушкинского Дома дают возможность ученым исследователям русской литературы с успехом и с удобством работать над собранными Домом материалами в целях установления текста сочинений писателей и выяснения их биографий, а также помогают и люстрации исследований того и другого рода. Домом уже изданы многочисленные сборники ученых работ, в которых опубликованы новые произведения и биографические материалы, касающиеся Пушкина, Гоголя, Добролюбова, Достоевского, Некрасова, Короленко, Чехова, нескольких декабристов и др. писателей; многочисленные ученые постоянно работают над материалами Дома и публикуют их в различных изданиях; учащиеся в ВУЗ'ах нередко обращаются к собраниям Дома при своих текущих учебных работах по литературе. С целью ознакомления общества с материалами Дома, он в течение 1921—1924 г. устроил ряд историко-литературных выставок: о Достоевском, Некрасове, о Пушкине и его современниках, об Ап. Григорьеве, о 40-х годах русской литературы, о русской художественной литературе за революционные 1918—1923 годы, а также ряд открытых научных собраний, на которых были прочитаны многочисленные научные доклады и рефераты о многих русских писателях, начиная с конца XVIII века.

Теперь он открыл цельную и постоянную Выставку по истории новой русской литературы. К сожалению, Выставку эту ему пришлось разделить на две части и развернуть в двух помещениях: в здании Дома на Тифлисской ул. № 1 (в конце Университетской линии) и рядом—на Тучковой наб. № 2-а. В первом открыты залы: «Предшественники Пушкина», «Пушкин и его современники» и «Лермонтов»; во втором—выставка «От Гоголя до 1900-х годов». В перечисленных отделах Постоянной Выставки Пушкинский Дом развернул значительную часть своего музейного, иконографического, рукописного и книжного материала, который он старательно и энергично собирал и тщательно хранил в течение двух десятилетий и который лишь в очень небольшой его части мог до настоящего времени экспонировать на упомянутых выше периодических выставках.

Пушкинский Дом с гордостью может сказать, что материалы для истории жизни и творчества Пушкина представлены им почти с исчерпывающей полнотой; равным образом, и материалы по Лермонтову—единственные по полноте и значительности; предшественники и современники Пушкина в коллекциях Дома также представлены очень полно, но не все оказалось возможным представить на

Выставке из-за ограниченности размеров выставочного помещения. Девять комнат Постоянной Выставки «От Гоголя до 1900-х годов» как бы иллюстрируют полный курс по истории новой русской литературы, построенный отчасти хронологически, отчасти на основе литературных школ и группировок: 1) Гоголь и так называемая натуральная школа 40—50-х годов; 2) Тургенев, Достоевский и Л. Толстой, выделенные особо, ввиду значительности относящегося к ним материала; 3) Поэты и драматурги 40—50-х годов—отдельная группа, очень характерная для выявления Пушкинской традиции в последующей литературной эпохе; 4) западники и славянофилы, оставившие столь глубокий след в истории русской литературы и общественности; 5) Некрасов и его современники,

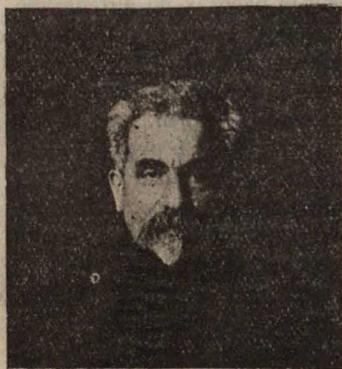
приближение к народничеству; 6) народничество и публицистика 1860-х—70-х годов; 7) 1880—90-е годы, отход к общественным темам; и, наконец, 8) 1900-е годы, еще столь близкие к нам и подлежащие дальнейшему изучению: Чехов, Андреев, Горький—вот главные представители этого периода русской литературы.

В мае 1925 г. Пушкинский Дом проводил в могилу первого своего Директора, академика Н. А. Котляревского. При его любовном и деятельном участии создавался Пушкинский Дем; удивительное обаяние его светлой личности привлекало к Дому во множестве друзей, почитателей и жертвователей. С памятью об этом прекрасном человеке вступает Пушкинский Дом в новый период своего существования.

Академик Н. Я. МАРР.

Письмо и язык будущего.

(Об одной из грядущих задач Всесоюзной Академии Наук).

Н. Я. Марр

Празднество 200-летия увенчанной славой Всесоюзной Академии Наук и оценка ее заслуг далеко не исчерпывается указанием на вклад ее в сокровищницу науки и техники: необходимо учесть и широкие перспективы ее возможных достижений в области гуманитарных наук, в частности, в области науки о языке. Вряд ли во всем мире найдется

исследовательская организация в этой области, располагающая лучшим научным аппаратом, чем Академия Наук. Я имею в виду подлинную лингвистику, как она выкристаллизовывается у нас в России, а не «восточную» или «западную» филологию.

Давно уже пора осветить один из самых настоятельных и неотложных вопросов нашей современности—вопрос об единстве письма и единстве языка.

— «Однако, при чем тут наука?»—спросит в недоумении иной читатель: «ведь это—вопрос техники и занятий любителей международного языка «эсперанто» и т. п.!»

Властные требования жизни диктуют, однако, совершенно иное решение этого вопроса: они подсказывают решение этой важной проблемы в смысле

установления преобладания одного из господствующих ныне языков над всеми остальными.

Нередко приходится слышать сетование на то, что романские языки (включая французский язык) идут—де на убыль с быстротою падения курса франка, и что славянские языки, народившиеся слишком поздно, не могут—де вовлечь в свой фарватер многочисленные суда, расцвеченные национальными флагами.

В Старой Европе, которая и поныне служит ареной борьбы между востоком и западом, до сих пор все еще господствует отжившая свой век средневековая классификация наук (естественно-исторические и гуманитарные), как отголосок библейского мировоззрения; неудивительно, поэтому, что ученые старой Европы заявляют отвод против возможности постановки вопроса об единстве языка и письма, вопроса,—властно выдвигаемого самой жизнью.

Наша общественность и достижения нашей науки предъявляют к нам властное требование решить этот неотложно важный вопрос.

На первый взгляд может показаться, что принцип самоопределения народов, предоставленного всем национальностям, входящим в состав СССР, противоречит в корне самой идее единства языка и письма.

Тут уместно, пожалуй, вспомнить об одном из моих оппонентов, задавших мне после моей лекции следующий наивный вопрос: «А что-же станет с грузинским языком, если народится единый язык для всего человечества?»

Тенденция к созданию единого языка для всего человечества способствовала созданию закономерной согласованности звуковых средств самых разнообразных племенных языков, объединенных в родственные группы. Самоопределение каждой отдельной нацио-

нальности диктуется упорной работой человечества в этом направлении, и нет никакой возможности остановить этот стремительный поток национального самоопределения: он успел уже провести глубокие борозды в самых глухих уголках нашего обширного Союза. Остановить его—значит отказаться от завоеваний нашей революции...

Однако, нас интересует, ближайшим образом, лишь научная сторона этого сложного вопроса. В свете науки всякая попытка остановить этот мощный поток представляется сплошным безумием.

Достижения палеонтологии речи и углубленное изучение особенностей коренных языков Кавказа вскрывают родственную связь между тремя группами языков новой формации: баскского—в Западной Европе, у Пиренеев, чувашского—в Восточной Европе, на Волге, и вершицкого—в Средней Азии, у Памира.

В смене исторических эпох эти группы языков—романская (историческое господство римлян), угрофинская, турецкая, русская (историческое господство русских и турок) и иранская (историческое господство персов) сохраняют тесную родственную связь между собою. Связь эта подтверждается указанием на тот факт, что не только индо-европейская, но также семитическая и урало-алтайская семья языков представляют в сущности не что иное, как преобразование (трансформацию) яфетических языков.

Жизнь властно выдвигает проблему создания единого языка и письма (унификации письма). Вопрос этот представляется столь же существенным и неотложным, как и вопрос о введении единого календаря, метрической системы и начертания цифровых знаков.

Было время, когда человечество нуждалось для прогресса своего культурного роста в духовном общении с мертвыми народами, поскольку они были творцами тех или иных культурных ценностей. Не удивительно поэтому, что в ту пору характер письма отражал в себе те или иные исторические наслоения: чем выше культурный уровень народа, тем сложнее его письмо.

В эпоху, когда судьбы целых народов были всецело в руках господствующих классов, преследовавших свои узкие классовые и национальные интересы и создававших целую систему национальных хозяйств, в эпоху, когда господствовал культ классовых и национальных богов и племенных тотем, характер письма был не только естественным, но и единственно возможным по тому времени.

Однако, этот устаревший порядок и поныне находит себе энергичную поддержку со стороны просвещенных народов, учитывающих реальное значение роста своего исторически сложившегося языка и своей письменности, как могущественных факторов для закрепления системы своего хозяйства и укоренившихся форм классового быта и общности.

Господствующие классы естественно, нуждались не только в закреплении преемственной связи с прош-

лым, но и в упрочении культурной традиции и мировоззрения—как гарантии мирного строительства и прогресса. В этом смысле устойчивость форм письменности почиталась такой же непререкаемой истиной, как и устойчивость основных типов человеческой речи.

Современность хочет быть творцом своей судьбы, своей новой эры: ее взоры устремлены на ближайшее будущее человечества, на его земной удел; вот почему оно не в силах примириться с мыслью об устойчивости форм письменности, тем более, что нет никаких научных оснований мириться с этим средневековым предрассудком. Залог прогресса кроется отнюдь не в закреплении традиции с прошлым и с его верой в predeterminedность природы каждого существа, в зависимости от его общественного положения.

Когда, например, феодальная Грузия создала поговорку—«перепелка не села на дерево: это не в ее природе»,—то этой поговорке вступил средневековый придворный поэт—Шота из Рустава, глубокими корнями вросший в среду и в психику своего народа.

«Пусть каждый довольствуется тем, что дает ему судьба... Пусть пахарь без усталости пашет землю, воин проявляет свою храбрость, а влюбленный лелеет мечту о своей безумной любви»—учит этот средневековый поэт. Наша современность отмечает всякую мысль об устойчивости явлений в жизни, в науке и в социологии: опорой для нее служат новые достижения положительных знаний и вскрытые наукой материальные основы исторического роста письменности и языка.

Письменность и язык созданы человечеством: оно выковывает формы своего языка, и в наше время, когда история идет верными шагами к унификации своего хозяйства, когда ощущается неотложная потребность общения взрожденных в духе классовой идеологии тонких культурных слоев с трудящимися всех стран,—вопрос о создании единого языка и письма становится неотложной проблемой и важнейшей практической задачей наших дней.

Разумеется, в первую голову возникает вопрос об единстве письма, а не языка; для разрешения этого вопроса в строгом соответствии с принципами самоопределения народов необходима тщательная проработка языкового материала всего человечества.

Применение научных методов к решению этого вопроса пролет новый свет на смену исторических этапов и на эволюцию типов языка в связи с развитием мирового хозяйства и рождением новых форм общественной жизни.

В свете науки все разновидности существующих языков представляются детищем единого процесса эволюции человеческой речи. Изучение характера и условий процесса дальнейшей эволюции прокладывает путь к работе над созданием единого языка, общего для всего человечества.

Только такая постановка вопроса поможет нам правильно разрешить проблему практической осуществимости задачи—создания единого письма. Без решения этой задачи великий лозунг полного культурного самоопределения всех народов, входящих в состав нашего Союза, может привести к культурной катастрофе, превратив письменность из орудия общения народов в орудие для их разобщения.

Поучительной иллюстрацией защищаемого мною положения может служить диаметрально противоположный эффект, достигнутый путем введения латинского письма: предполагалось таким путем способствовать взаимному сближению народов между собою. В действительности, однако, такого сближения не последовало, так как в каждом алфавите стал выдвигаться «молодец на свой образец». Таким же пороком,—думается мне,—грешат и все так называемые транскрипции или научные алфавиты, построенные по чисто индивидуалистическому принципу. Не

подлежит сомнению, что подлинное научное письмо, как полное отражение системы человеческой речи во всем многообразии ее проявлений,—должно быть таким же доступным для восприятия построением, как и введение единообразного начертания цифр.

Можно ли вверить судьбу столь сложного культурного дела отдельным эрудитам или случайной группировке ученых сил? И не требует ли практическая важность этого сложного вопроса всестороннего исследования его в стенах крупного научно-исследовательского учреждения, стяжавшего себе мировую репутацию? Только такое авторитетное научное учреждение может объединить вокруг себя международную организацию научных деятелей в области создания единого письма и языка.

Возникает вопрос: нужно-ли искать такое крупное авторитетное учреждение мирового масштаба вне Всесоюзной Академии Наук? Мне думается—такие поиски излишни.

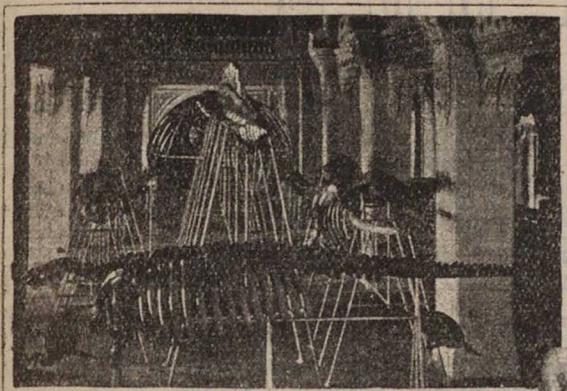
Н. В. ГРАВЕ.

Современная структура Академии Наук.

Ко дню своего основания Академия Наук, преследуя в одно и то же время цели ученого общества и учебных заведений, по составу своему представляла редкий, если не единственный пример в истории европейского просвещения, так как приглашены были иноземцы, незнакомые ни с языками, ни с нравами такого особенного от прочих европейских стран государства, как Россия. Если по каждой науке, говорил Петру I лейб-медик Блуменротт, будет вызван особый ученый, то из них можно составить целую академию.

Прибывшие ученые (к концу 1925 г. их было 16 человек, исключительно немцев), образовали первое академическое собрание или конференцию, ставшую главным органом по заведыванию всею научной работой Академии и ее учреждений. В состав Академии первоначально вошли два учреждения, ранее основанные Петром, а именно: «Библиотека», образовавшаяся из книг, попадавших к войскам при завоевании городов в остзейском крае и после опалы вельмож, и «Кунсткамера», представлявшая разнообразные коллекции, приобретенные царем во время его путешествий. При Академии учреждены были также Университет (1925 г.) и академическая школа (1726). Кунсткамера впоследствии была упразднена и раскассирована по отдельным музеям. Академическая школа и Университет в середине XVIII века уже обособились, а под Академией Наук стали понимать «собрание людей—академиков, которые стараются познавать и разыскивать различные действия и свойства всех в свете пребывающих тел и через свое испытание и науку один другому показывать, а потом издавать в народ».

Ныне, через 200 лет, Академия Наук возглавляемая по прежнему «Конференцией», состоит из 42 действительных членов, (числа кроме того в списках своих 19 почетных членов и 268 членов-корреспондентов) при научном персонале специалистов и сотрудников, доходящем до 500 и общем количестве служащих свыше 700. В состав ее входят 56 крупных учреждений, как то: библиотека, древнейшее и самое обширное из академических установлений и третья по числу книг в Союзе (большинство учреждений академии имеют свои обособленные, специальные библиотеки, число которых доходит в общем до 20), архив Академии, три больших лаборатории, (сосредоточенные в одном здании и образующие как бы один биологический институт), особая зоологическая лаборатория, лаборатория по анатомии и физиологии растений и физиологическая лаборатория, работы которой, по физиологии высших проявлений деятельности нервной системы—условных рефлексов, под руководством ак. И. П. Павлова обратили на себя внимание на западе, 7 институтов (из них 3 при Кемсе), 9 музеев (и 8 подсобных, при отделах), 26 научных комиссий, 4 комитета, коллегия (востоковедов), наконец книгохранилище и бюро по международному книгообмену, издательство с академической типографией, биологическая станция в Севастополе (кроме того свыше 15 станций: сейсмических, биологических, опытных и др.). Эти 56 учреждений, имеют в общем до 120 подразделений (отделений, отделов, бюро, секций, подсобных лабораторий, библиотек, музеев, биологических опытных и др. станций). Все означенные учреждения ежегодно издают отчеты о своих трудах. В тесной научной связи с академией стоит

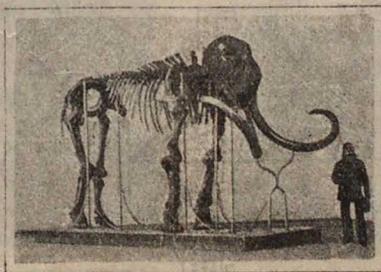

значительное количество ученых и научных учреждений, из которых достаточно назвать такие крупные учреждения, как пользующиеся мировой известностью Пулковская астрономическая обсерватория, Российский Гидрологический Институт и Росс. Радиовый Институт—детище Кепс'а. Большинство из академических учреждений выпустило ко дню юбилея особые памятки, очерки и специальные описания для раздачи их во время осмотра приезжим гостям в юбилейные дни.

Нескольким отдельным учреждениям посвящены особые подробные статьи в нашем журнале. Размеры настоящего очерка не позволяют коснуться всех академических учреждений во всем их многообразии и научном значении, скажем лишь несколько слов о главнейших. Из прилагаемой к настоящей статье схемы видно, что учреждения обще-академического характера подчинены конференции, частью непосредственно, частью в лице непрсменного секретаря и вице-президента, остальные по своим заданиям распределены по трем отделниям Академии Наук.

Если, с одной стороны, в отделениях Библиотеки, содержащей около 4 милл. книг и рукописей, мы находим богатейший подбор собраний, как напр., собрание книг на славянских языках, представляющее единственную в СССР славянскую библиотеку, или редчайшее собрание рукописей, принадлежавших царевичам Федору, Иоанну и Петру Алексеевичам и царевне Софии, то и в Архиве Академии, справляющем вместе с Академией свой 200-летний юбилей и хранящий в стенах своих все документы и материалы, относящиеся к истории Академии, мы найдем ценные исторические памятники, как напр., материалы по первой географо-статистической анкете о России по почину Ломоносова, по всем академическим экспедициям, подлинную переписку Академии с заграничными учеными свыше чем за 150 лет, и автографы знаменитых европейских ученых XVIII века.

Сокровища Академии. Зоологический музей.

Физико-математический Институт представляет из себя старейшую русскую лабораторию, унаследовавшую свои приборы со времен Петра I; в нем производятся исследования в области критических явлений, лучистой энергии, по сейсмометрии (на приборах ак. Голицына), над X-лучами, гравитационные изыскания и пр.

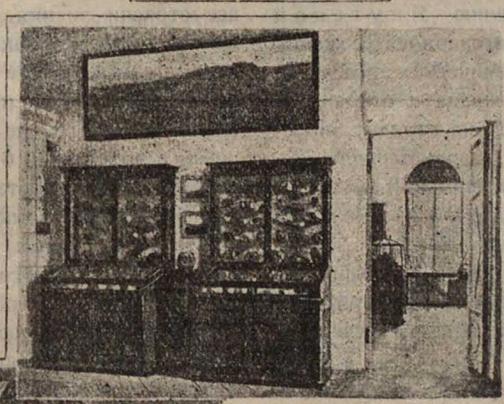
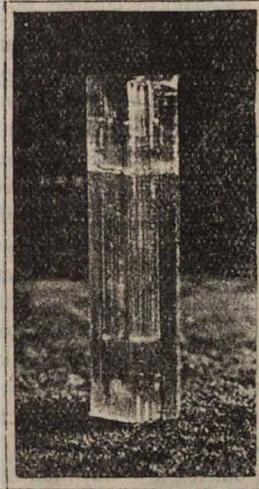
Химический Институт—б. химическая лаборатория, основанная в 1748 г., в которой работали Ломоносов, Ловиц, ак. Захаров, Бекетов, и др.

Геологический и минералогический музей (собственно 2 обособленных музея) содержит в геологическом отделении 1500 коллекций, заключающих в себе до 2 милл. образцов. Начало собрания было положено Петром I; сюда же поступили материалы знаменитых экспедиций времен Екатерины II, многих сибирских экспедиций и т. п. Коллекции Северо-Двинских раскопок (собр. Амалицким) и диплодок (остов гигантской допотопной ящерицы), подарок миллиардера Карнеджи, составляют гордость музея. Минералогическое отделение располагает коллекциями редких янтарей, уральских минералов, минералов Мадагаскара, Канады, Крыма, Камчатки и др. В нем мы познакомимся не только с богатствами земного минерального царства, но и с породами неземного происхождения—метеоритов. Центральную часть этого отдела занимает

прекрасный Богуславский железный метеорит (в двух осколках), упавший в 1916 г. близ Никольска Уссурийского, весящий в совокупности 256,21 килограммов, а также оригинал знаменитого Палласового железа, привезенного академиком Палласом в 1777 году из Енисейской губернии, где он был найден в 1749 г.

Азиатский музей, основ. в 1918 г., сохраняет название музея только по традиции, так как представляет из себя собрание литературы по Востоку. Богатейший подбор книг и рукописей (в общ. до 500.000) по востоковедению ставит его на первое место среди хранилищ этого рода в Союзе. В него вошли: собрание книг лучших русских ориенталистов, бумаги и переписка целого ряда известных русских востоковедов, восточные рукописи (до 6.000) и книги, печатанные на Востоке: по мусульманскому миру (арабская псалтырь ХСII в., книга царей, персидского поэта Фирдоуси), еврейские книги (ряд уник, инкунабулы XV в., полный экземпляр Венецианского талмуда), записи и материалы по иранским наречиям, отрывки на недавно открытом и расшифрованном согдийском языке, словарь пеклевийского языка и в числе раритетов базальтовая пирамида—гиря с клинописной надписью Дария.

Толстовский Музей, хорошо известный петербуржцам, носит тот же характер, что и Пушкинский дом; в основные его задачи входит:

Сокровища Академии. Минералогический музей.

изучение жизни и творчества нашего великого писателя Л. Н. Толстого и его популяризация (число томов свыше 10.000, экспонатов—1.500).

В текущем году число академических музеев увеличилось музеем Палеографии, содержащим единственное в своем роде собрание памятников по истории документа с древнейших времен и по истории письменности вообще.

В числе научных комиссий Академии особо выдающееся положение занимает Постоянная комиссия по изучению естественных производительных сил СССР, известная по всей территории Союза под своим сокращенным названием КЕПС и имеющая, как показывает ее название, широкие жизненные задачи. Комиссия заключает в себе ряд отделов, институтов, лабораторий и музеев и располагает собственным издательским аппаратом, выпускающим свыше 12 серий научных трудов. Из недр КЕПС возникли многие, ныне самостоятельные крупные учреждения, как напр. Гидрологический, Радиовый и Оптический институты.

Комиссия по изучению племенного состава населения СССР (КИПС) занимается изучением в этнографическом отношении разноплеменного населения СССР путем статистического собирания материала и составления племенных карт и объяснительных к ним записок. Здесь выясняется степень пригодности тех или иных племенных групп для несения государственных повинностей, причины вырождения некоторых инородческих племен, хозяйственной дееспособности населения и пр.

Совершенно особое за последнее время значение получила комиссия по изучению Якутской Республики, так как благодаря ей возобновились традиции прежних академических экспедиций. Комиссией в этом году организована и отправлена в Якутию экспедиция, делящаяся на отряды: биологический, врачебно-санитарный, аэрометеорологический, гидрологический и ихтиологический.

Русско-Византийская Комиссия занимается специальной отраслью истории—изучением русско-византийских отношений в IX—XII в.в. и византийского влияния на территории древней Руси, а также переизданием греческого словаря Дюканжа.

Комиссия по изданию словаря русского языка до настоящего времени выпустила 4 тома (выпусками в 10 лист.).

Академией Наук обращено должное внимание на выяснение научных ресурсов СССР путем систематической регистрации научных и культурно-научных учреждений СССР и учета научного кадра ученых

специалистов. В этом направлении работает Комиссия по изданию справочника «Наука и научные работники СССР», выходящего в виде частей намеченных серий справочников по обеим столицам и остальным частям Союза. Особый указатель специалистов по категориям научных дисциплин впервые приложен к последним его изданиям.

Заканчивая обзор научных учреждений Академии, необходимо остановиться на академическом издательстве, являющемся центром, куда стекаются результаты всей научной и организационной работы Академии и ее сотрудников. Уже в 1728 г. Академия располагала своей собственной типографией, которая в настоящее время является образцовой и единственной по количеству и разнообразию своих шрифтов, дающих возможность печатать на 350 языках. За 200 лет отпечатано Академией свыше 15.000 изданий (последние годы до 65 изданий в год, объемом около 550 печ. листов или 9.000 страниц). Среди юбилейных изданий отметим: появление давно ожидаемого труда покойного академика Шахматова (синтаксис русского языка, вып. 1) и трудов умерших академиков Миллера и Ляпунова, содержательный и превосходно выполненный юбилейный выпуск журнала «Природа» и крайне интересные исследования проф. Филиппенко в «Известиях Бюро по еврике» (№ 3) над еврически ценным материалом, который представляют из себя корифеи русской науки, объединенные в своей деятельности вокруг Академии за последние 80 лет.

В настоящее время ко дню юбилея Конференцию Академии Наук образуют 42 действительных члена, научная деятельность коих охватывает решительно все отрасли знания. По точным наукам работает 22 академика и 20 академиков примыкают к наукам гуманитарным; в том числе работают: по математическим наукам 4, по наукам физическим 9, по наукам биологическим 9, по истории, классической филологии и археологии 6, и 5 по восточной словесности и лингвистике; работа 9 академиков посвящена изучению русского языка и словесности. Кроме действительных членов, составляющих конференцию, Академия в списках своих числит 19 почетных членов, среди коих 15 иностранных, пребывающих в 9 городах восьми различных государств Европы и Америки. Число избранных русских и иностранных членов корреспондентов, непрерывно поддерживающих (из 75 городов, 20-ти государств) с академией единение в области научной мысли и современных научных достижений, доходит до 268. Из них 143 числятся по отделению физико-математических наук, 50 по отд. русского языка и словесности и 75 по отделению исторических наук и филологии.

Работники Академии—сотрудники „Вестника Знания“.

Проф. О. Д. Хвольсон
почетный член Академии Наук.

Академик А. Е. Феррман.
Директор Минералогического музея
Академии Наук.

Академик С. Ф. Платонов.
Директор библиотеки Академии
Наук.

В редакцию „Вестника Знания“ поступили следующие приветствия и пожелания по случаю юбилея Академии, высказанные нашими сотрудниками—работниками Академии.

От проф. О. Э. Хвольсона. Желаю, чтобы Академия навсегда осталась мировым светочем, яркость которого увеличивалась бы из года в год на вечную славу нашей науки.

О. Хвольсон.

«Вестнику Знания» Б. Модзалевский.

«Что ни говорят мизософы, а наука—святое дело»,—писал некогда Карамзин, а его младший современник, поэт Пушкинской плеяды—Подолинский оставил нам слова:

Где высоко стоит наука,—
Стоит высоко человек.

Вместе с тем, по вешему слову знаменитого академика Н. Н. Бекетова,—«Наука—это организованный прогресс».

Как же не пожелать дальнейших успехов Академии,—тому вечно живому организму, который источает силы, этот прогресс созидающие?

Б. Модзалевский.

Из письма Максима Горького. Сотрудник нашего журнала, академик С. Ф. Ольденбург любезно поделился с нами приветствием, которое получила через него Академия Наук от М. Горького.

«... Вот что хотел бы я сказать людям науки:

Я имел высокую честь вращаться около них в труднейшие 1919 и 1920 годы. Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стойким мужеством творцы русской науки переживали мучительные дни холода и голода. Видел, как они работали, и видел, как умирали. Мои впечатления за это время сложились в чувство глубокого и почтительного восторга перед вами, герои свободной исследующей мысли. Я думаю, что русскими учеными их жизнью и работой в годы интервенции и блокады дан миру великолепный урок стоицизма, и что история расскажет миру об этом трудном времени с тою же гордостью с какою я пишу вам эти простые слова. В них нет никакого преувеличения. Так я чувствую».

От Акад. А. Е. Ферсмана. «Будущее Академии Наук в ее тесной связи с теми научными силами, которые рассеяны по всей необъятной территории России, в объединении под ее эгидой того широкого движения, которое за последние годы, по ее же инициативе, разлилось по стране—движения краеведчества.

Только опираясь своими корнями на нашу высшую школу, только питаясь лучшими силами народа, приходящими к науке часто из глуши наших затерянных углов, сможет развиваться и расширяться научное творчество самой Академии».

А. Феррман.

Иностранные гости Академии—новые сотрудники «Вестника Знания». Редакция «Вестника Знания» заручилась любезным согласием некоторых из прибывших на торжества иностранных ученых принять участие в работе журнала. Германские профессора д-р Тишлер, Книпп и Бреслау пишут для «Вестника Знания» впечатления своей научной экскурсии.

Отзыв Фр. Нансена об Академии Наук. Знаменитый исследователь полярных стран Фр. Нансен отзывается о работах Академии Наук следующим образом.

«Значение Академии для мировой науки огромно. Прежде всего я должен отметить, что в области исследования полярных стран ни один народ не сделал так много, как сделали русские. Мы все живем и жили результатами этих географических исследований северных морей, сибирского побережья и вообще Севера. Я лично никогда не забуду той ценной поддержки, которую мне оказала Академия во время моих северных экспедиций. Обширный Союз, объединяющий своими границами целый ряд народов, дает неограниченные возможности научному изысканию, которое не может не иметь решающего значения для всего человечества. Да процветает и развивается Всесоюзная Академия Наук, внося всякий вклад в общую сокровищницу человечества по разрешению великих научных проблем».

Проф. С. О. ГРУЗЕНБЕРГ.

„Солон России“.

(Лейбниц и Академия Наук).

Двухсотлетний юбилей Всесоюзной Академии Наук, привлекая к себе внимание всего ученого мира, невольно воскрешает в памяти историка русской науки яркий образ Лейбница, этого «Солона России», связавшего свое имя с судьбой учреждения в России, высшего рассадника науки и культуры; недаром мюнхенский университет подчеркивает в своем приветствии связь Всесоюзной Академии Наук с немецким философом: «Именно германская наука» — гласит адрес, присланный юбиляру мюнхенским университетом, «имеет полное основание вспоминать этот день с особым удовлетворением, так как Лейбниц был инициатором плана, по которому академия была основана и по которому было воздвигнуто славное здание русской науки».

Призванная к жизни творческой энергией германского гения, Российская Академия Наук обязана своим происхождением не столько энергии Петра, сколько почину Лейбница: универсальный гений, — первоклассный философ, историк, юрист и математик, Лейбниц был творцом и добрым гением первого высшего научного учреждения в России.

Воодушевленный идеей создания «федерации ученых обществ», германский философ задумал покрыть всю Европу целую сеть научных очагов и организовать интернациональную «республику ученых». Его инициативе обязаны своим происхождением целый ряд научных организаций в Берлине, Вене, Дрездене и Санкт-Петербурге.

«Я не принадлежу к числу тех», — писал космополит Лейбниц в письме к Петру в январе 1712 года — «кто питает страсть к своему отечеству или к какой-

либо другой науке: мои помыслы направлены на благо всего человеческого рода; ибо я считаю отечеством небо и моими согражданами — всех благомыслящих людей. Мне приятнее сделать много добра русским, чем мало добра немцам или другим европейцам, хотя бы я пользовался среди них величайшим почетом, богатством и славой, не будучи в силах принести много пользы другим: я стремлюсь к общему благу».

Лейбниц впервые встретился с «великим варваром» — как называл Петра I знаменитый Немецкий историк Куно Фишер — в Торгау в 1711 году на празднестве бракосочетания Алексея (сына Петра). Следующая встреча Лейбница с Петром произошла в Карлсбаде в 1712 году.

Сопровождая Петра в Дрезден, Лейбниц внушил ему мысль о необходимости учреждения в Петербурге Академии Наук, основанной по мысли Петра.

Дорожа ценными советами и указаниями Лейбница по целому ряду вопросов культурного строительства России, Петр приблизил к себе в ликого германского ученого, и, пригласив его к себе на службу, дал ему титул тайного юстиции-советника, с пенсией в 2.000 гульденов.

В бывшем императорском архиве в Москве и поныне хранятся обнаруженные известным

историком В. Герье докладные записки, проекты и материалы Лейбница по целому ряду научных и юридических вопросов.

«Мне приходится быть издано Солон России» — писал Лейбниц курфюрстине Софии, говоря о своей роли в истории культурного строительства России. И в самом деле: германскому

Лейбниц.

Репродукция редкой старинной гравюры.

«Солону России» приходилось разрабатывать не только план учреждения Петербургской Академии Наук, но и целый ряд докладных записок о реформах в области русского судопроизводства и о научном исследовании вопроса об отклонении магнитной стрелки.

Так народилась на берегу Невы, в столице полуазиатской «Московии» Петербургская Академия Наук.

Правда, новый очаг науки всего менее мог почитаться русской Академией Наук: и по духу, и по традициям, и по языку Петербургская Академия Наук была в ту пору специфическим германским насаждением бюрократического типа. Члены вновь учрежденной Академии Наук вербовались, главным образом, из немцев, переехавших в «варварскую Россию» по приглашению правительства: чуждые России, ее духу, ее преданиям и историческому укладу, они издавали свои труды на иностранных языках и образовали замкнутую касту, ревниво оберегавшую свои привилегии. Достаточно сказать, что даже первая русская женщина — президент Петербургской Академии Наук Екатерина Романовна Дашкова, воспитанная в духе французских энциклопедистов XVII века, долгое время с трудом объяснялась на русском языке.

По словам историка Российской Академии Наук, она долгое время была «немецким Олимпом», разобитым от смертных, занятым весьма прозаическим отработыванием «барщины». Зовы Октября вдохнули в высшее ученое учреждение России новые силы, новые лозунги, новые чаяния. В горниле Октябрьской Революции Академия Наук, освобожденная от векового гнета царизма, призвана стать, во истину, Народной Академией, Академией для народа, для всей трудящейся России.

Празднество двухсотлетия Всесоюзной Академии Наук совпадает с судебным процессом американского учителя Джона Скопса, привлеченного к уголовной ответственности за популяризацию в школе теории Дарвина. Есть что-то знаменательное в совпадении празднества русской науки с гонением на науку в Америке.

Для вдумчивого историка культуры этот знаменательный факт представляется поучительной антитезой между крахом ложной культуры, отравленной ядом вековых предрассудков, и зарей возрождения новой культуры в трудовой семье раскрепощенных народов, призванных внести свою лепту в сокровищницу науки.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД В МУЗЕЕ А. Э. Р. А. Н.

Воспоминания проф. В. Г. Богораз-Тана.

См. на следующей странице.

От Редакции: Ввиду того исключительного интереса, который представляет жизнь проф. Владимира Германовича Богораз-Тана, богатая приключениями и мытарствами политического ссыльного, не порывавшего связи с академическими центрами научной работы даже в ссылке за полярный круг, в отдаленнейшие окраины восточной Сибири, Редакция «Вестника Знания» помещает на страницах специального Академического номера, впервые появляющегося в печати автобиографию В. Г., написанную им с присущими ему живостью и юмором.

Автобиография проф. В. Г. Богораз-Тана.

Родился 15 апреля 1865 года в городе Мариуполе.

Учился в г. Таганроге в гимназии, которую окончил 15-ти лет, в 1880 году. Шел двумя классами ниже А. П. Чехова. После того учился в Петербургском университете на разных факультетах, но курса не окончил, а по обстоятельствам времени попал сперва в тюрьму, потом в ссылку, потом опять в тюрьму и опять в ссылку и т. д. вроде периодической дробы. В конце концов угодил довольно плотно в Петропавловскую крепость. На этой государственной службе провел в общем года четыре, а далее уехал в отдаленнейшие места северо-восточной Сибири, к полярному кругу, в Колымск за 10.000 верст. Там просидел десять лет, по целому году за каждую тысячу верст, сделался с горя этнографом, писателем и даже

поэтом, благо свободного времени было довольно. Оттуда, отбывши все сроки, милостью начальства вернулся в Россию в Петербург.

Из Петербурга внезапно, по воле судьбы и стечению обстоятельств, уехал на запад в Америку и далее все тою же западной дорогой, переплывши Великий океан, вернулся в чукотскую землю уже добровольно, и таким образом сомкнул свою дорогу по северному полярному кругу. С тех пор вот уже 30 лет я движусь по этому северному кругу взад и вперед, как привязанный, и не могу никак отбиться в сторону.

В. Г. Богораз-Тан

Проф. В. Г. БОГОРАЗ-ТАН.

Четверть века назад в музее А. Э. Р. А. Н.

В самом конце 1898 года я приехал в Ленинград, а тогдашний Петербург, прямо из Колымска, из ссылки, не имея на это никакого полицейского права, даже не имея и бумажки для прописки, кроме волчьего билета:—«Отбыл ссылку и уволен в различные города Европейской России».

Волчий билет для ссыльных были, вообще, замысловатые. Например, такой:—«Отбыл ссылку и возвращается в первобытное состояние».

Скажу к слову, что в Россию я вернулся, проживав в Петербурге и ездил за границу, а паспорта для внутренней прописки так мне и не дали. Жил я по открытому листу от Академии Наук на производство изысканий среди чукоч и коряков, и полиция время от времени делала попытки отправить меня для этих изысканий в соответственную область. Академия давала защиту, сколько было возможности.

В мой первый приезд я обратился к академику В. В. Радлову. Радлов принял меня с участием, совершенно необычным по тому жестокому времени. Он дал мне тотчас же письмо к тогдашнему градоначальнику Валу. Валь заставил меня подождать часа два, а потом вышел на прием, совсем подавляя просителю величию огромной фигуры, пуговиц, кантов, аксельбантов; прочитал письмо, крикнул и сказал:—«Разрешаю на неделю, а потом видно будет».—Через неделю разрешили:—«временно на месяц, а далее по поступкам».

Однако, поступки мои вышли не очень хорошие. Тогда в Петербурге началось «возбуждение умов», заражавшее неопытные души. Я же приехал прямо с чукотской воли, из Автономной Колымской республики. Мне приходилось рассказывать в печати, как мы объявили республику в Колымске еще в 1896 году. Друзья в Ленинграде, между прочим покойный Богучарский, сразу прозвали меня: «Дикая Чукча», и вот у «Дикой Чукчи» с непривычки закружилась голова.

В то время уже сложилось новое течение,— социал-демократическое. И я, хотя состоял в народниках, но примкнул к социал-демократам. Они мне показались свежее и моложе народников. То была группа журнала «Начало». Сюда входили Калмыкова и Туган-Барановский, Струве, Вересаев. В ссылке из той же группы были Потресов и Ульянов-Ленин. Для расслоения было еще слишком рано. Хотя и тогда было известно и видно, что одни, как Струве, тянут направо, к реформизму и Бернштейну, а другие, как Ленин, налево, к крутым и решительным действиям.

Атмосфера была подмывающая. У «Чукчи» закружилась голова. Рядом с чукотскими текстами,

я стал печатать свои колымские рассказы и стихи. Они были встречены публикой довольно благосклонно. Стал сочинять и новые стихи, которые как-то сбивались на прокламации, должно быть по старой подпольной привычке. А, впрочем, иные из этих стихов вошли в обиход и до сих пор поются в соответственных случаях; например,—«Красное Знамя» (перевод с польского), «Кронштадтские матросы» (1906 года).

Писал я статьи и рецензии, и цензор нашел, что и рецензии у меня «непочтительные». Рецензии, между прочим, я подписывал: «Келин» от чукотского слова: «Келе»—«злой дух». Как видно, с начала и до самого конца, мне было суждено переходить от этнографии к политике и обратно.

Кончилось бы это, разумеется, совсем не хорошо. Уже состоялось распоряжение о высылке моей из Петербурга, но я предупредил суровое начальство и уехал в Америку. Устранялась новая экспедиция в Берингово море Американским Музеем Естественных Наук, при содействии Российской Академии,— это так называемая «Северо-Тихоокеанская экспедиция имени Джексона». Я и мой товарищ по ссылке и северной работе В. И. Иохельсон были самой судьбой предназначены для участия в этой экспедиции, и академики В. В. Радлов и К. З. Залеман горячо рекомендовали нас американцам, для руководства русским отделом экспедиции.

Получилась, таким образом, наглядная несообразность русского старого стиля:—только что вернулся из ссылки, выслали из Петербурга, куда?—руководить на северо-востоке ответственным отделом международной ученой экспедиции.

Зато через два года, когда я вернулся в Петербург с Берингова пролива, полиция вспомнила старое зло и выслала меня тотчас же и молниеносно. То был припадок расторопности, вроде молниеносной чумы. Мне даже не дали прочитать отчетного доклада в торжественном заседании Географического Общества.

Академики Радлов, Залеман и Шахматов отнесли ко мне и к В. И. Иохельсону с исключительным вниманием. Залеман принял на себя головоломную корректуру чукотских и юкагирских текстов, так как мы в этом трудном деле были совершенно неопытны. Сколько ни следишь и ни всматриваешься, а непременно пропустишь целую уйму опечаток, а Карл Германович Залеман выловит их все и отметит одну за другой.

Мало того, после моего поспешного отъезда в Америку, Карл Германович принял на себя общую редакцию моего недоконченного тома чукотских материалов и вставил в предисловие несколько фраз

по моему адресу, особенно участливых и лестных. Через два года, по возвращении из Джезуповской экспедиции, я получил неожиданную радость, прочитав их в новенькой книжке, специально для меня приготовленной Карлом Германовичем.

Джезуповская экспедиция увела нас далеко за пределы цивилизованного мира, и наш разрыв с культурой был особенно глубок. Помню: в эскимосском поселке Унгазик, при случайной встрече с американскими китоловами, я получил пачку нью-йоркских газет годичной давности. Я с жадностью накупился на них, как на самые свежие новости. Читайте:—«король Эдуард VII, открывая свой парламент...»—«Что за черт, думаю, где это царствует король «Эдуард» VII? При мне такого не было. В Португалии, что ли?» Спрашиваю китоловного капитана. «А, это, говорит, в Англии воцарился Седьмой Эдуард». —«А Виктория где?»—говорю.—«А Виктория,—тютю,—говорит—умерла»...

Так вот, возвратившись с Берингова моря в Петербург, я одновременно вернулся ко всем прелестям тогдашней российской культуры,—к охранке, к высылке, к цензуре, а также вернулся и к Этнографическому Музею Российской Академии Наук.

Музеем заведывал В. В. Радлов, помощником его был Д. А. Клеменс, тоже политический ссыльный, как и мы с Иохельсоном. За эти полтора года в Музее произошла перемена. Клеменс перешел в вновь организованный Русский Музей заведывать этноотделом, а в Музее Академии Наук его заменил наш третий товарищ Л. Я. Штернберг.

Л. Я. Штернберг был третьим сочленом нашей ссыльной этнотройки. Ссылку свою он провел на Сахалине, изучал там гиляков и айнов, а вернувшись в Россию застрял в Житомире. Разумеется, мы с Иохельсоном, попав в Петербург, хлопотали и о нем. Залеман с Радловым выхлопотали и ему разрешение въезда в столицу, приняли его материалы и дали ему работу в Музее Академии Наук. В то время Музей выглядел чрезвычайно скромно. Он помещался в небольшом двух этажном здании. Огромные коллекции, плоды двухсотлетнего сбора, были запакованы в глухих сундуках. Выставок не было. Служащих было, не считая В. В. Радлова, трое—помощник заведующего и два младших служащих. Бюджет Музея был миниатюрный, почти до смешного,—500 рублей. Одним словом, то был не музей, а зародыш, эмбрион, меньше, пожалуй, Петровской кунсткамеры.

Мы с Иохельсоном работали в Музее в качестве вольноприходящих, регистрировали коллекции и получали по 25 руб. в месяц. Я составил для Музея описание чукотской коллекции Н. Л. Гондatti, изданное с иллюстрациями,—опять таки после моего отъезда в Америку.

Мы с Иохельсоном уехали в Америку. Штернберг остался в Петербурге. С тех пор, вместе с Радловым они неуспешно созидали и строили Музей. И в конце концов из темного склада коллекций вырос М. А. Э. Р. А. Н.—Музей Антропологии и Этнографии Российской Академии Наук, неотъемлемое звено творческой работы, двухсотлетний юбилей которой мы ныне празднуем.

А. ШИРЯЕВ.

Эпоха великих открытий в России.

Двести лет тому назад, когда получила свое осуществление идея Академии Наук, территория нашего теперешнего союза в естественно—географическом отношении представляла собою в полном смысле слова «terra incognita». Добравшись на востоке через тысячеверстную тайгу до берегов Великого океана и подчинив себе громадную территорию с ее разноплеменным и разноязычным населением, Россия того времени еще переживала процесс территориального роста, не достигнув географических границ на юге, и только что встав твердою ногою на западе, на берегах Балтийского моря. Весь теперешний юг и юго-запад Европейской части России еще лежал за пределами нашего влияния. Что касается азиатских владений, то, не имея на юге точных границ, они сливались с беспредельными степями башкир и киргиз и с монгольскими пустынями.

То было время безраздельного господства феодально-патриархального уклада нашей тогдашней

жизни, со всеми его атрибутами. Цени рабства накрепко сковывали тогда инициативу населения. Мысль народа отвлекалась от земных интересов и устремлений, вращаясь, как в заколдованном круге, в сфере религиозно-обрядовых распрей. Темные русские люди того времени в одиночку и массами добровольно шли на костры во имя «перстосложения» и «сугубой аллилуйи». Верховом и источником премудрости старообрядца-начетника был Апокалипсис, в котором, как гадалка в картах, он находил ответы на «мирские» вопросы, отыскивая «звериное число» в имени царя Петра.

Только немногим русским людям судьба раскрывала глаза на всю безотрадность нашей жизни, только немногие понимали весь трагизм этого великана с завязанными глазами, этого взрослого ребенка, чувствующего свои силы, но не знающего, куда их направить.

На фоне этой неприглядной русской действительности и развертывает только что нарождавшаяся

Академия свою изумительную по размаху и достижениям исследовательскую работу.

Начало изучения России положено было несколько ранее основания Академии Наук, по непосредственному почину Петра I.—Вполне естественно, что его внимание привлекала к себе наша дальневосточная окраина, недавно открытая и совершенно не обследованная. В 1720 году Петр I командирует в Сибирь для географических изысканий врача Мессершмидта, а затем делает распоряжение о снаряжении экспедиции на дальний северо-восток. В задачи экспедиции, во главе которой был поставлен Беринг, входило решение вопроса о том, «сошлась ли Азия с Америкой», или же они разделены проливом. Дальнейшие географические, естественно-исторические и этнографические экспедиции ведутся уже под знаменем Академии. Спустя всего лишь восемь лет после основания Академии последняя организует в 1733 году так наз. вторую Камчатскую Экспедицию. В состав этой грандиозной даже и на наш современный масштаб экспедиции, известной всему ученому миру, входили лучшие силы молодой Академии—Миллер, Гмелин, Стеллер, Крашенинников, Фишер, Красильников и др. Экспедиция продолжалась целых одиннадцать лет и далеко вышла за пределы Сибири, захватив Курильские острова, северную Японию и северо-западную часть северной Америки.

Колоссальные коллекции и материалы экспедиции, возбуждавшие справедливое изумление в ученых кругах всего мира, еще далеко не были обработаны, а Академия приступает уже к организации целого ряда новых экспедиций, поставив себе грандиозную цель—всестороннее изучение всех областей России. С поразительным, подчас даже непонятным энтузиазмом, ученые прорезают Россию вдоль и поперек, тщательно собирая материалы, записывая, измеряя. Таковы знаменитое пятилетнее путешествие Палласа (1768—1773 г.г.) от Петербурга до Забайкалья и двухлетняя экспедиция его (1793—1794) в только что присоединенные «южные наместничества» и Крым; затем—четырёхлетнее (1768—1772) путешествие академика И. И. Лепехина—в Поволжье и Заволжье, а также его исследования на Белом море, полуострове Канине и Индиге; экспедиция Самуила Готлиба Гмелина—младшего (1768—1774) в южную Россию, на Кавказ и в Персию, где он и погиб в каземате одного персидского хана. Одновременно с Гмелиным ведут свою исследовательскую работу академик Иоганн Гюльденштедт, семилетняя (1768—1775) экспедиция которого охватила южно-русские степи, северный Кавказ и Грузию, и Иоганн Георги, обследовавший (за четырехлетие 1770—1774 г.г.), в качестве участника экспедиций Фалька и Палласа, юго-восточную окраину России, Алтай, Байкал и Забайкалье, Уральские горы и Поволжье.

Таковы, в кратких чертах, те маршруты, по которым следовали академические экспедиции. Это был

Группа сибирских инородцев (из коллекции Этнографического музея Академии Наук).

ряд в буквальном смысле слова открытий, во многом напоминающих открытия Колумба и Магеллана.

В конце концов, дело делала небольшая группа людей—почти сплошь немцы, подчас только что приглашенные в Россию и в большинстве не успевшие еще овладеть даже русским языком. Тем удивительнее добытые ими результаты. Отметим главнейшие из них.

Работы Миллера пролили яркий свет на прошлое Сибири и до сих пор остаются главнейшим источником истории и исторической этнографии азиатской России. Описание Гмелина—старшего (в четырех томах) освещает нам природу Сибири, а «Описание земли Камчатки» нашего первого русского географа Крашенинникова признается доселе классическим трудом по истории и этнографии этого края. В свое время этот труд Крашенинникова был переведен на английский, немецкий, французский и голландский языки. Особенно выделяются труды знаменитого Палласа, за границей оцененного, пожалуй, лучше, чем у нас. Ученый-энциклопедист, немец по рождению, этот немецкий Аристотель на русской почве, 43 года своей жизни отдавший служению России и русской науке, Петр Симон Паллас совмещал в своем лице зоолога, ботаника, геолога, этнографа, географа и лингвиста. Трехтомное описание его путешествия изобилует научными наблюдениями, обобщениями и выводами; двухтомное сочинение о монгольских народах, описание путешествия по Крыму, сравнительный словарь всех языков и наречий, описание русских и сибирских растений, и др. стяжали ему славу первоклассного исследователя, по точности и живости описаний до сих пор непревзойденного.—Данные, добытые отдельными экспедициями, суммировались, разрастаясь в систематические, монументальные по затраченной на них энергии и по научной ценности труды. Таково «Опи-

сание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» (изд. 1776—1779) составленное академиком Георги и представляющее целую энциклопедию по этнографии России.

Так открыта была для иностранцев новая часть света—Россия. За блестящим периодом открытий начинается эпоха более детального, пристального изучения России, которая и ведется до настоящего времени. XIX и XX века в этом отношении уже не похожи на XVIII: ученые силы умножаются, немецкая монополия в русской науке изживается, дифференцируется сама наука; с другой стороны, улучшаются пути и средства сношений, умножаются потребности жизни, в связи с новыми производственными условиями. Дело изучения России дробится, специализируется по разным отраслям науки и промышленности, по отдельным географическим областям и районам, и исследовательская работа выходит

из рамок тесного круга ученых, проникает в толщу народных масс, захватывая теперь самые отдаленные, заброшенные уголки нашей великой страны. Обзор всех этих исследований, даже в виде простого перечисления, занял бы целые томы, а знакомство с достижениями в этом отношении требует уже специальной подготовки.

От Академии ответвились целые специальные учреждения, ставящие своей целью исследование России. Укажем хотя бы одно только Географическое Общество (основано в 1845 году). Внутри самой Академии исследовательская работа распределена между целым рядом специальных учреждений (см. географическое изображение учреждений Академии); в последнее время народилось новое демократическое детище—«Кепс», (комиссия по изучению естественных производительных сил СССР), своими исследованиями обнимающее самые разнообразные виды природных богатств нашей родины и опирающаяся на целую сеть местных учреждений Краеведческого характера).

Л. А. МЕРВАРТ.

Завед. отд. Индонезии музея
Антропологии и Этнографии Академии Наук.

„Машина времени“ в Академии Наук*).

Всем известна увлекательная сказка Уэльса «Машина Времени», рассказ об изобретении, позволяющем людям произвольно двигаться во времени назад и вперед, не только гадать о будущем или читать о прошедшем, но делаться их свидетелями и участниками того и другого. Это, конечно, фантазия. Но в некоторых областях нашей жизни она осуществима. Такою сферой является история человеческой культуры в современной ее постановке.

Различные ее эпохи существуют одновременно и притом до сих пор. В то время, как одни народы живут в веке машин, радио, электричества и авиации, другие не знают еще другого способа достать огонь, как путем трения двух кусков дерева, не знают прялки, гончарного колеса или ткацкого станка, не имеют даже простейших домашних животных. Стоит только поехать в страны, стоящие на различной ступени культурности, для того чтобы получить яркое, непосредственное представление о соответствующей эпохе истории человечества. Если побывать последовательно в областях со все возрастающей степенью цивилизации от самой примитивной до наиболее сложной и глубокой, то самый ход исторических процессов отчетливо вырисовывается перед нашими глазами.

Учтя это обстоятельство, один из богатейших американских университетов снарядил пароход и отправил

на нем в трехлетнее плавание четыреста студентов, вместе с профессорами, библиотекой и проч. Получился целый плавающий университет. К сожалению, не у всякого человека найдется несколько свободных лет, а еще менее—достаточно тысяч рублей для таких путешествий. Тут на помощь приходят музеи.

Главный центр науки в России, Академия Наук—в течении всего своего существования, создавал и расширял музеи. В ряду их центральное место занимает Музей Мировой Культуры (музей Антропологии и Этнографии). Основанный вскоре же (12 лет спустя) после основания самой Академии, этот музей находится в состоянии постоянного роста, посылая в разные страны ученых, чтобы использовать их глаза, как подзорные трубы для остальных граждан, и выставляя собранные коллекции в своих залах, как живые страницы великой книги истории.

Проидем по залам музея! Не всем, конечно,—на это потребовалось бы слишком много времени, а хотя бы по нескольким—по наиболее мне знакомым, залам Южной Азии.

Вот мы—в уголке, посвященном жителям Андаманских островов, лежащих в Бенгальском заливе. Перед нами статуи андамандца и андамандки с ребенком. Они покрыты одеждою из листьев, шнурков и сеточек, сплетенных из растительных волокон. Они не знают ни пряжи, ни тканья. В каче-

Целебесская девушка в одежде из древесной коры.

*) Иллюстрации исполнены по фотোগрафиям, оригиналы которых составляют собственность Этнографического музея Академии Наук.

стве украшений они нанизывают на шнурочек раковинки, семена различных растений, кости усопших родственников. Их домашняя утварь—несколько циновок для спанья, корзин и деревянных сосудов для хранения и приготовления пищи; раковины заменяют им тарелки и чашки. Их оружие—деревянные луки и стрелы, на которых только в самое последнее время стали появляться металлические наконечники из железа, получаемого от миссионеров и каторжан английской каторжной тюрьмы: Андаманы—это английский Сахалин. Пищу себе они добывают тем же луком, ручной сеткой или примитивной бамбуковой острогой для рыб, бьют диких свиней стрелой или гарпуном, собирают мед диких пчел и разные плоды и коренья. Жизнь бедная, но не печальная: вот специальные уборы для плясок, вот примитивнейшее деревянное било. Это единственный известный андамцам музыкальный инструмент.

Остановимся в отделе о-ва Целебеса. Сразу бросается в глаза, что здесь культура уже значительно выше. Одежда из тонко разбитой древесной коры, раскрашенной, вышитой; рядом—каменные колотушки и пр., которыми кора разбивается. Среди домашней утвари появляется уже и глиняная посуда, правда, сделанная от руки, без гончарного колеса. Тут же лежат примитивные инструменты горшечницы. Шаг дальше, и перед нами—принадлежности кровавого целебесского культа с человеческими жертвоприношениями.

Перенесемся в еще более культурную эпоху—перейдем в отдел о-ва Суматры. Здесь уже в полной мере железный век: прекрасная сталь мечей, железные земледельческие инструменты, ткацкий станок, а вместе—и пороки более высокой цивилизации—азартные игры, куренье опиума и пьяное питье.

Еще один шаг—на юг азиатского материка. Здесь чем дальше на запад, тем выше культура. Войдем в зал Индии. Здесь только богатый носит парчу, шелка и тонкие ткани, но и крестьянин, все больше и чаще употребляет одежду, сделанную на местной фабрике. Его тонкая, прекрасно обожженная посуда часто великолепно разрисована. О глубине

Автор статьи Л. А. Мерварт в костюме цейлонских туземцев—сингальцев (справа; слева на фотографии—туземка).

Кашмирский резчик по дереву за работой.

индийской культуры можно судить по множеству и разнообразию художественных произведений прикладного искусства, которыми индус украшает свой быт, которые он производит как предметы роскоши, исключительно ради самого искусства.

В музее выставлены большие коллекции керамики, резьбы по кости, дереву и металлу, эмали и т. под.

Высота культуры народа измеряется не только тем, как он работает, но и тем, как отдыхает. Вот перед нами собрания индийских игр, музыкальных инструментов и в особенности индийского театра. Большие деревянные марионетки из Бенгалии смеются пантомимными артистами Южной Индии, поразительной игрой сопровождающими речитативное пение драмы, происходящее за сценой.

Громадная роль культа в индийской жизни тоже нашла свое отражение в музейных шкафах: вот ряд разнообразных храмов и алтарей, колесницы и носилки для религиозных процессий. На цыновке, поджавши ноги, сидит брамин и приносит ежедневную жертву.

Каждая область земного шара представлена в Музее Этнографии. Каждый отдел его дает картины различных ступеней культуры. Поэтому-то каждое посещение его является не только некоторой заменой путешествия в дальние страны, но и как бы поездкой на машине времени в глубь веков.

Б. Н. ВИШНЕВСКИЙ.

Завед. антроп. отделением музея
Антропологии и Этнографии при
Академии Наук.

От зверя к человеку.

Человек, это звучит гордо!
М. Горький.

Огромный путь биологического совершенствования проделал человек, прежде чем завоевал название «царя природы». В строении различных органов высшего из живых существ до сих пор сохраняется ряд черт, указывающих на отдаленных животных предков человека. Эти животные признаки в строении человека подчеркивают кровную связь его со всей остальной живой природой и разбивают красивую легенду о «сотворении» первых людей в шестой день творения...

Где мы можем наглядно познакомиться с путями биологического прогресса человека?

Благодаря юбилею Академии Наук, получил возможность шире развернуть свои коллекции Музей Антропологии и Этнографии. Его Антропологическое Отделение поставило задачей осветить эволюцию физического типа человека. На пути от зверя к человеку мы сохранили ряд признаков, с которыми наглядно знакомят вновь выставленные коллекции. Редкий пример задержки в развитии, намекающий на покрытых шерстью предков человека, представляет собою волосатый ребенок. Столь же показателен редкий препарат хвостатого плода. Еще более наглядным примером возврата к отдаленным предкам является препарат плаценты с пятью плодами. Целый ряд других коллекций говорит о животном наследии человека в самых разнообразных органах нашего тела.

Постепенное развитие человека в ряду высших животных будет понятно, если ознакомиться предварительно с главнейшими представителями его ближайших предков-обезьян. Обезьяны Нового Света и Старого (чучела и скелеты), карты их расселения и родословные схемы вводят посетителя в понимание того эволюционного пути, который, в конце концов, привел к человеку. Не сразу переходим мы от современных высших обезьян к «царю природы». На нашем пути встретятся такие переходные формы, как питекантроп, представленный в Музее точными слепками его останков. Знаменитый «обезьяно-человек» с о-ва Явы представлен также реконструкцией черепа и всего бюста (по Мак Грегору). Рисунки, карты, схемы дополняют знакомство посетителя с питекантропом, до сих пор вызывающим споры ученых. Вслед за питекантропом коллекции знакомят с другой, не менее знаменитой находкой,—на этот раз в Европе, близ Гейдельберга, в Германии. Здесь была найдена нижняя челюсть, массивная, обезьяноподобная по целому ряду признаков, но... совершенно с человеческими зубами. Гейдельбергский человек, которому принадлежала эта челюсть, жил, вероятно, во вторую межледниковую эпоху в окружении вымерших ныне гигантов—южного слона, бегемота, носорогов и других крупных млекопитающих.

В дальнейшем посетитель знакомится с представителями ископаемой неандертальской расы. Крышка неандертальского черепа, находки в Бельгии (Спа) и, наконец, ископаемые остатки, найденные в французских пещерах, освещают примитивные черты строения вымершего первобытника. Особенно полно представлен череп старика-неандертальца из пещеры Шапель-о-Сен во Франции. Его сильно выраженные надбровные дуги, убегая назад

низкий лоб, выступающие вперед лицевые части, отсутствие подбородка,—все эти черты заставляют выделить первобытника в особую ископаемую расу, расцвет которой совпадает с четвертым оледенением в западной Европе и эпохой мустьерской индустрии.

Относительно недавняя, знаменитая находка в Пильтдауне, в Англии, представлена слепком черепа с странным сочетанием мозговой части «разумного» человека и нижней челюсти, сильно напоминающей шимпанзе. Бюст пильтдаунского человека, различные схемы и рисунки дополняют знакомство с этой особой разновидностью человека, существовавшей, быть может, одновременно с неандертальцами. В верхнем палеолите, т.-е. во вторую половину древнего каменного века (ближе к современности), господствует кроманьонская раса, вытеснившая, вероятно, неандертальцев с их насиженных мест. Черепа людей этой расы имеются в выставленных коллекциях и знакомят посетителя с их особенностями. Перед нами уже настоящий человек, «разумный», проделавший длительную эволюцию от обезьяно-человека к более совершенным формам. Мы знакомимся с основными расовыми типами (по Кизсу) и присматриваемся к таблице, изображающей родословную человека.

Очень кратко, как позволило место и средства, представлены коллекции, характеризующие изменения в организме человека, связанные с переходом от четвероногого хождения к вертикальной походке (строение позвоночника, лопатки, тазовых костей и т. д.).

Ряд коллекций характеризует развитие человеческого зародыша. Сюда относятся схемы, объясняющие начальные стадии развития зародыша, слепки и препараты эмбрионов различного возраста и другие коллекции, отмечающие постепенное развитие и рост зародыша, развертывание различных его органов, преимущественно черепа и мозга.

К эмбриологической части примыкает знаменитая коллекция уродов из прежних собраний кунсткамеры, а также из доставлявшихся позже в Акад. Наук, по известному декрету Петра I. На препаратах богатейшей коллекции можно видеть различные остановки в развитии, недоразвития, случаи атавизма и т. д.

Недостаток средств не позволил развернуть сейчас коллекции, характеризующие такие антропологические признаки, как рост человека, цвет кожи, волос и глаз, форму головы, лица и т. д.; однако, все это будет выставлено в ближайшее время после юбилея Академии. В особом помещении выставлены знаменитые анатомические препараты Рюйша, приобретенные в Голландии еще Петром I, работы первых русских анатомов, скелет и другие части великана Буржуа, гайдука Петра I, и другие старинные коллекции.

В настоящем своем виде коллекции Антропологического Отделения посильно отвечают на вопрос, как произошел человек, через какие формы шел он и его ближайшие предки в своем развитии. Начало эволюционному освещению вопросов древности и происхождения человека в стенах Музея Антропологии и Этнографии положено. Остается умножать музейные коллекции и углублять подробности великого эволюционного процесса в применении его к высшему из приматов,—к человеку!

Мученики науки в истории Академии.

Для многих академиков, посвятивших себя работе в России, путь оказался тернистым и даже роковым. Не говоря о лишениях, которым подвергались академики-путешественники, некоторым из них пришлось пожертвовать жизнью. Такова была судьба академика С. Г. Гмелина (младшего), умершего в молодом возрасте (29 лет) в персидской тюрьме, в 1774 году. Другую жертвою науки на русской почве был академик Георг-Вильгельм Рихман, убитый в 1753 году молнией во время наблюдений над грозвыми явлениями, при повторении знаменитого опыта Франклина. Очевидец этой драмы, изображенной на прилагаемом рисунке, гравировальный мастер Соколов так описывает смерть Рихмана: «Когда г. профессор, посмотревши на указывателя электрического, рассудил, что гром еще далеко отстоит, то уверил он грыдоровального мастера Соколова, что теперь нет никакой опасности, однако, когда подойдет очень близко, то-де может быть опасность. Вскоре после того, как г. профессор, отстоя на фут от железного прута, смотрел на указывателя электрического, увидел упомянутый Соколов, что из прута, без всякого прикосновения, вышел бледносиневатый огненный клуб, с кулак величиной, шел прямо ко лбу г. профессора, который в самое то время, не издав ни малого голоса, упал назад на стоявший позади его сундук. В самый же тот момент последовал такой удар, будто-бы из малой пушки выпалено было, отчего и оный грыдоровальный мастер упал на-земь и почувствовал на спине у себя некоторые удары, о которых после усмотрено, что оные произошли от изорванной проволоки, которая у него на кафтане с плеч до фалд оставила знатные горелые полосы».

«Мы старались, добавляет товарищ и друг Рихмана М. В. Ломоносов, — движение крови в нем возобновить, за тем, что он еще был тепл; однако, голова его повреждена и больше нет надежды. И так он плачевным опытом уверил, что электрическую громовую силу отвортить можно... Между тем, умер господин Рихман прекрасною смертью, исполняя по своей профессии должность».

Действительно, прекрасная смерть!

Смерть Академика Рихмана.

Приветствия Академии.

Приветствие Академии Наук от председателя Совета Народных Комиссаров. В связи с объявлением Академии Наук Всесоюзной, Академией получена от председателя Совнаркома тов. А. И. Рыкова следующая телеграмма:

«Уверен, что Академия Наук сумеет принести Союзу всю ту пользу, на которую рассчитывают рвущиеся к культуре и знаниям народы СССР.

Председатель Совнаркома А. И. Рыков».

Адрес Академии Наук Франции. Академия Наук Франции в целом прислала следующий приветственный адрес.

«Выражаем наше крайнее сожаление, что существующие обстоятельства мешают нам послать делегацию на ваши торжества. Однако, мы желаем непременно выразить вам наши самые горячие симпатии и чувства научного братства. Вот уже два века, как ваша Академия играет в развитии культуры и ее истории столь большую роль и занимает такое выдающееся место, и столь заслуженное. Мы с радостью говорим об этом во всеуслышание. Знаменитые уче-

ные в прошлом и настоящем украшают вашу Академию, и мы счастливы, что многие из них и поныне числятся нашими сочленами, равно как и наши числятся в рядах ученых вашей Академии. Долгое прошлое наших дружеских и личных отношений мы вспоминаем сегодня и присоединяем свои самые горячие пожелания продлить их и впредь».

Разряд изящной литературы Французской Академии Наук прислал следующее приветствие:

«Присоединяемся к чувствам законной гордости, с которой Академия Наук, празднуя 200-летие со дня своего основания, имеет право смотреть на совершенное ею. В течение этих двух веков Академия Наук блистательно справилась с задачей, которая была ей предначертана Петром Великим. Научные исследования, которые она предпринимала, экспедиции, которые она организовывала, работы ее ученых и создание библиотек и музеев, наконец, громадная серия ее изданий вызывают восхищение всего ученого мира. Что касается нас, то нам особенно приятно отметить то большое место, которое наши

русские коллеги занимают в деле изучения византизма, эллинизма и Востока, и те взаимоотношения, благодаря которым к их выдающейся деятельности были приобщены французские ученые. Общность дисциплин сблизила наши два учреждения, и многие члены нашей Академии имели и имеют честь принадлежать Российской Академии Наук в качестве почетных членов и членов-корреспондентов. Если обстоятельства, к сожалению, мешают нам послать делегацию на торжества Академии Наук, то тем не менее наши учреждения желают непременно выразить Российской Академии Наук свои поздравления по поводу великого ее прошлого и пожелания столь же славного будущего».

Приветствие старейшего университета. Академия Наук получила поздравительное приветствие от старейшего Марбургского университета, в котором в 1736 году М. В. Ломоносов под руководством профессора Вольфа изучал математику, физику и философию.

Голос Индии. Делегат Калькутского Университета (Индия) проф. Раман, в беседе с представите-

лями печати на юбилейных торжествах высказал следующее пожелание своих собратьев — ученых Индии.

«К великому несчастью большинства ученых всех стран,—сказал Раман,—русский алфавит не дает возможности ознакомиться с научными трудами России. Ведь это в сущности мелочь, но эта мелочь таит в себе слишком много вредных, сказал бы я, неудобств. Ведь многие из нас узнали о величайшем открытии Менделеева только случайно, благодаря тому, что в некоторых европейских газетах промелькнуло короткое сообщение о периодической системе элементов, составленной Менделеевым.

Переход на латинский шрифт—ближайшая задача русской культуры; ее разрешение облегчит и упрочит международную научную связь. Это чрезвычайно важно, так как русская наука занимает выдающееся место во всем мире.

Академия должна, по-моему, обратить сугубое внимание на переход к латинскому шрифту, чтобы соблюсти научные интересы всех стран».

Всесоюзный праздник науки.

(Отчет о торжественном праздновании юбилея Академии Наук).

Юбилейные торжества Академии Наук открылись 7 сентября торжественным заседанием в большом зале Филармонии. Почетные гости—деятели науки и представители различных ученых учреждений Запада и Востока, политические деятели разных стран и русские ученые и ответственные работники СССР, в числе свыше полутора тысяч человек, наполнили обширное помещение Филармонии.

Президент Академии А. П. Карпинский объявил торжественное заседание открытым, после чего оркестр государственной академической филармонии и хор академической капеллы исполнили Интернационал, а затем оркестр Филармонии исполнил торжественную увертюру А. К. Глазунова, под управлением автора.

Президент Академии А. П. Карпинский, приветствуя от имени Академии собравшихся гостей, отметил, что почти все культурные завоевания ведут свое начало от положительных знаний. Наука, развиваясь то быстрее, то медленнее, идет всегда вперед, поднимаясь все выше и выше. Она действитель-

но является фундаментом культуры каждой страны и всего человечества.

Братство без искусственных рамок, налагаемых самим человечеством, не играющих никакой роли в истинной науке,—насушная потребность каждого действительного ученого, покоряющегося лишь одной истине.

Научная работа—необходимое условие будущего развития человечества в каждой отдельной стране.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинин в приветственной речи отметил неблагоприятные причины внутреннего порядка, тормозившие развитие русской науки в прошлом, когда, независимо от воли ученых, даже часто вопреки этой воле, плоды науки в львиной доле шли в руки господствующих классов—в руки дворян и поднимающейся к власти буржуазии.

«Народ не знал Академии Наук и она его очень немного знала, да и не могла знать, ибо этому решительно воспротивилось бы самодержавие. Теперь Академия Наук получила возможность широкой

связи с народными массами, из недр которых будут приливать новые и новые силы для развития науки.

Лозунгом Академии теперь должно быть «Наука для масс—для трудового человечества».

М. И. Калинин выражает Академии два пожелания: 1) теснее связаться с революционными массами народа, оттуда почерпнуть творческие соки и туда возвращать результаты побед человеческого разума над силами природы и 2) придти на помощь союзным и автономным республикам и областям в развитии их языка и культуры.

«С сегодняшнего дня, закончил М. И. Калинин, наша Академия Наук становится не только Российской, а Общесоюзной и должна концентрировать в себе творчество всех народов, населяющих наш Союз. Я не сомневаюсь, что Академия Наук Союза Социалистических Республик займет подобающее ей место в строительстве нового общества, обеспечивающего действительное братство народов в строительстве коммунизма».

Далее Нар. Ком. Просв. А. И. Луначарский произнес блестящую речь, о Науке и Революции.

Проф. А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ.

Нар. Комиссар Просвещения.

Наука и Революция.

(Из речи на юбилейном торжестве Академии).

Впервые в истории человечества у власти оказались прямые представители угнетенных слоев населения. Это заставляло многих бояться за судьбу высших форм культуры в нашей среде.

Ведь даже такой пророк нашей революции и великий представитель русской и всемирной культуры, как А. Герцен, утверждал, что революция должна будет во многом разрушить и, может быть, навсегда убить ценнейшие стороны проявления и многие накопившиеся сокровища общечеловеческой культуры.

Но Герцен ошибался так же, как ошибаются, и, может быть, даже сознательно ошибаются, очень многие из теперешних недоброжелателей нашей революционной власти и нашей нынешней общественности.

Конечно, революция приходит в бурях и грозах, революция потрясает все основы и государственные, и общественные, и личного быта. Конечно, революция представляет собою форму войны и форму войны ожесточенной. Во время такой войны наука и искусство не могут временно не пострадать от той колоссальной разрухи, от той огромной встряски, которой в такие времена подвергается общество. Но это именно результат только этих стихийных сдвигов, а отнюдь не недостатка понимания ценностей наивысших форм культуры со стороны народных масс.

Та революция, которая произошла у нас, и те революции, которые, как мы думаем, неизбежны во всем мире, представляют собою совершенно новое явление, так как во главе их становится класс необычайно широкий, составляющий собою ядро и основной материк трудящихся и в тоже самое время очень глубоко чувствующий культуру и даже отразивший ее через грани своей классовой психологии глубже, ярче, чем другие классы.

Вся стратегия, вся тактика В. И. Ленина, а вместе и всей Российской Коммунистической партии, основана на глубочайшей работе мысли, на колоссальном наблюдении фактов, и на строжайших выводах из этих фактов.

Мы знаем, что подлинный фундамент под революцию может быть подведен только тогда, когда народные массы будут просвещены, и только тогда, когда они возьмут свои судьбы в свои руки.

Мы можем сказать, что завоевание права на просвещение было главной центральной целью революции. Революция есть борьба за право масс на просвещение.

Нам необходимо вооружить народные массы так, чтобы они могли отстаивать свое существование

в свободном социалистическом союзе народов перед тем миром врагов, которым мы еще окружены. Наша оборона и успех нашего хозяйства могут иметь место только при постоянном сотрудничестве с наукой.

Время колебаний прошло, и в настоящее время свою огромную научную работу Советское правительство творит, опираясь на руку русских ученых.

Мне вспоминается тот момент, когда непосредственно после революции, когда еще власть не установилась, когда в других городах еще кипела гражданская война, на мой запрос, направленный Академии Наук, на какую помощь с ее стороны и на какое содействие может рассчитывать новое революционное правительство, мною был получен официальный ответ Академии Наук о готовности ее, и при новом строе, при новом правительстве, продолжать попрежнему всю свою научную работу и о полном ее согласии принять участие в разрешении тех научных проблем, которые жизнь поставит перед новым народным правительством.

Академия сдержала свое слово в целом ряде важнейших наших задач. Она вырабатывала нам подробнейшие этнографические карты, которые давали нам возможность вести научно, зная предмет, соответственные переговоры с соседними нам державами, и своим огромным опытом помогала нам вообще во всякого рода переговорах с ними.

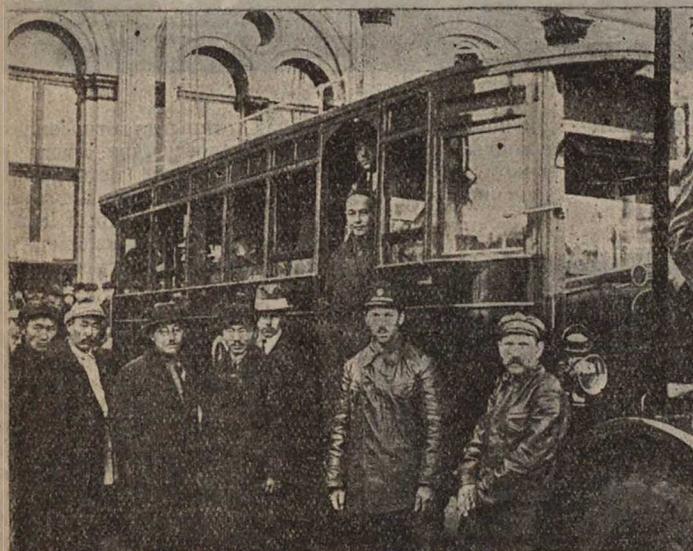
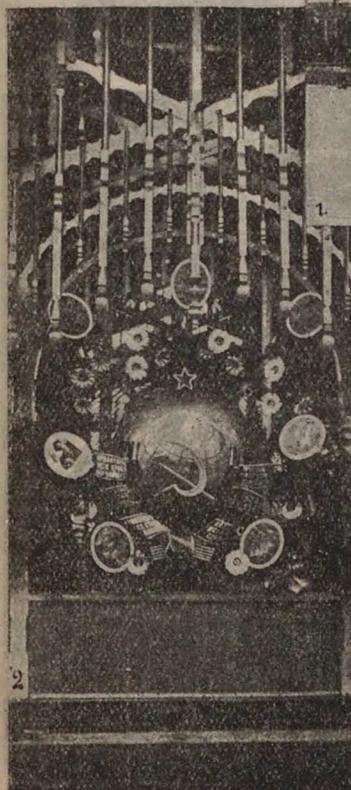
Академия Наук уже до того, как ей дали высокое звание Академии Союза Социалистических Советских Республик, мощно содействовала нашей работе в подыятии отсталых национальностей, ибо без ее знания языков почти всех народов, населяющих нашу страну, мы не смогли бы сделать того, что сделано, т.-е. создать азбуку, создать впервые грамоту для целого ряда народностей, которые не имели никакой письменности.

Мы поздравляем Академию не только с теми прошлыми двумя столетиями, которыми она вправе гордиться рядом с каким угодно научным учреждением земного шара, но и с теми десятилетиями и столетиями, которые ей еще предстоят.

Может быть, не все члены Академии сознают всю радость и всю необычайность того, что наша Академия, основанная царями и бывшая так долго под их тяжелой рукой, первая выйдет теперь под триумфальную арку революционного перелома жизни человечества, в тот новый строй, в котором мысль будет играть огромную руководящую роль.

200 лет

Академии Наук.

1) Общий вид заново отремонтированных зданий Всесоюзной Академии. 2) Художественная декорация для приема иностранных гостей. 3) Делегация детей встречает с цветами иностранных ученых гостей Академии у под'езда детскосельского дворца-музея. 4) Прибытие в Ленинград японских и китайских ученых. 5) Прибытие представителей Совета Нар. Комиссаров (справа Наркомздрав Семашко, налево зам. Наркоминдела Литвинов). 6) Ученые делегаты Монголии и Китая.

Фотография спец. фото-корреспондента «Вестника Знания» В. К. Булга.

Юбилейное заседание Академии Наук 7-го сентября в Ленинграде в здании Госуд Филлармонии.

Рис. сверху изображает — композитора Глазунова, исполняющего с оркестром кантату, написанную им в честь Академии.

Рис. внизу изображает группу иностранных гостей на торжественном заседании.

Фотография спец. фото-корреспондента «Вестника Знания» В.К. Бузаа.

На торжеств. заседании Ленгубисполкома посвящ. юбилею Академии. Из речи тов. Зиновьева.

Граждане и товарищи! Позвольте принести горячее приветствие по случаю двухсотлетия Академии Наук самим членам этой Академии, научным работникам нашего Союза в целом, и в особенности, само собою разумеется, всем гостям — деятелям науки, оказавшим нам честь своим присутствием здесь.

Здесь находятся представители целого ряда отраслей науки, сделавших крупнейшие открытия в той или другой области. Настоящий марксист, настоящий ученик Ленина понимает, что крупное открытие в области ли, скажем, геологии, довольно отдаленной от общественной жизни науки, в области ли астрономии, в области ли чистой математики, в какой либо другой области, имеет громадное общественное значение. Но смеем думать, что открытия, сделанные Марк-

сом почти 80 лет тому назад, открытия, относящиеся к законам развития самого человечества, имеют, во всяком случае, такое же огромное историческое значение, как любое другое открытие иного порядка. Маркс открыл еще в конце 40-х годов основной закон развития современного общества.

Я был бы, однако, не точен, если бы сказал, что никто из представителей чистой науки не понимал великого открытия Маркса. Это было бы неверно. Были уже в самом начале деятельности Маркса корифеи науки, которые поняли великое значение его открытия. К ним принадлежал такой человек, такой Монблан, такой крупнейший деятель науки, как Чарльз Дарвин. Он стоял на разных полюсах с Марксом. Мы все это знаем. Дарвин не участвовал в политической борьбе, Дарвин был работником чистой науки. Но, известно что, как Маркс в вышней

Праправнучка создателя Академии Наук М.В. Ломоносова — пионерка Нина Быкова на торжественном заседании во дворце Урицкого.

степени ценил Дарвина, так и Дарвин в высочайшей степени ценил Маркса. В наших хранилищах в Москве—в институте Маркса и Энгельса—имеется письмо Дарвина к Марксу, которое, мы надеемся, будет опубликовано, писанное Дарвином в ответ на получение им первого тома «Капитала», который Маркс послал в подарок Дарвину. Дарвин отвечал на присылку этой знаменитой книги письмом, полным преклонения перед научным гением.

Мы уверены, что теперь грядет такая эпоха, когда сближение между лучшими людьми науки и представителями многомиллионных масс трудящихся—в первую очередь, рабочего класса,—когда сближение между ними неизбежно. Тот и другой лагерь, быть может, берут различные исходные пункты, выходят из различных углов, под различным углом зрения подходят к анализу переживаемого. И все-таки, неизбежно, что на определенном пути, на определенной точке перекрестятся эти два лагеря и, чем дальше, тем все более дружно пойдут вместе (аплодисменты).

Ответная речь акад. С. Ф. Ольденбурга.

После речи тов. Зиновьева выступает непреходящий секретарь Академии—акад. С. Ф. О л ь д е н б у р г.

— Между наукой и трудом, — говорит акад. Ольденбург, — не может не существовать тесного единения. Научная работа дается с таким же трудом, как работа серпом и молотом. Труд стоит во главе всего и труд все побеждает. Мы составляем единую семью со всеми трудящимися.

Научное единение всех стран—первоочередная задача.

Приветствия иностранных ученых.

— Мы никогда не предполагали, — говорит ректор Римского университета Севери, — найти советскую страну в таком блестящем состоянии.

Непременный секретарь Берлинской академии наук проф. П л а н к отмечает громадную энергию, с которой совершается восстановление советского хозяйства и заверяет, что немецкие ученые с радостью расширят научные взаимоотношения со Всесоюзной Академией.

— На меня произвел глубокое впечатление ваш прекрасный Ленинград, — говорит индусский ученый Р а м а н, — но еще больше впечатление произвела на меня та громадная энергия, которая проявлена русскими учеными. Я убежден, что в дальнейшем Академия будет работать с не меньшим успехом и, как представитель одного из народов Востока, приношу благодарность за искреннюю и глубокую любовь, которую вы к нам проявляете.

Член английской Академии Наук проф. Т о м п с о н говорит, что международный съезд ученых в СССР является историческим началом объединения науки всего мира. Урок, который мы выносим отсюда, таков, что здесь и правительство, и народ объединены искренним уважением к науке.

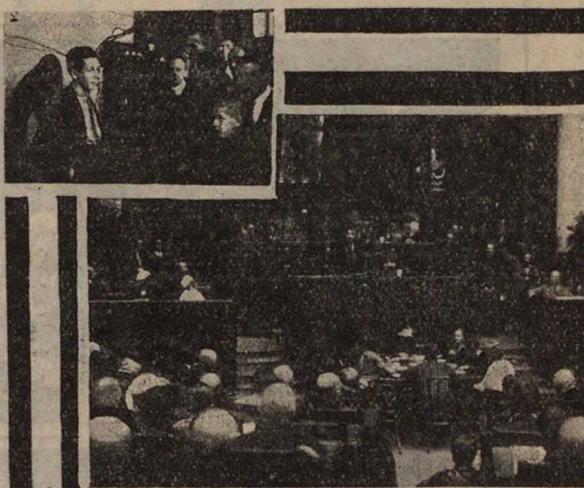
— В этой стране, — говорит профессор Калифорнского университета Гольдер, — наука в таком почете, который я нигде не встречал.

Мы были бы очень рады, — говорит японский ученый Я с у г и, — если бы мы внесли свою скромную долю содействия в поднятие культуры не только пролетариата СССР, но и всего мира. В поднятии культуры нашего рабочего мы будем надеяться на активное содействие науки той страны, которая является в мире пролетарской страной.

После приветствия индусского философа М о д и, тов. Евдокимов обращается к собранию с заключительным словом.

Союз Науки и Труда.

На торжественном заседании Ленгубисполкома во дворце Урицкого.

1) Общий вид зала бывш. госуд. думы во время торжественного заседания. Тов. Зиновьев произносит речь. 2) Радио передача приветственных речей в рабочих районах Ленинграда.

Заключительное слово тов. Евдокимова.

— Мы рассматриваем празднование 200-летия Академии Наук, — говорит он, — как дни, которые еще более укрепят связь между наукой и трудом, не только нашего Союза, но и всего мира.

Заключительным лозунгом сегодняшнего дня пусть будет лозунг:

«Да здравствует гармоническое слияние труда и науки».

Банкет Академии Наук. Вечером 8 сентября в Мраморном зале Русского Музея состоялся банкет, устроенный Академией Наук СССР по случаю ее 200-летнего юбилея.

Банкет был открыт вступительным словом президента Академии Карпинского (на французском языке).

С приветственной речью выступил затем председатель ЦИК СССР М. И. Калинин.

— Рабочие и крестьяне Советского Союза почтены тем вниманием, которое оказали нам великие ученые всего мира, почтив своим посещением советскую науку.

Общение ученых между собой есть один из лучших видов международного общения.

Тов. Л у н а ч а р с к и й обращается к ученым гостям на немецком, французском и итальянском языках. Он выражает радость, видя их на юбилее дорогой нам Академии Наук и высказывает уверенность, что отныне никто не будет утверждать, что наука страдает под властью революции. Именно революция создает ту здоровую атмосферу, которая так необходима для процветания истинной науки.

Ученые, представители Германии, Англии, Франции, Бельгии, Италии, Индии, Греции и Чехо-Словакии в своих речах отметили значительные заслуги нашей Академии, внесшей большой вклад в мировую

На торжественном заседании и юбилейном банкете в честь Академии Наук.

Рис. 1) Наркомпрос Луначарский произносит речь на банкете. 2) Ученые в среде рабоче-крестьянских делегатов на юбилейном заседании Ленинградского Совета. Впереди слева Редактор «Вестника Знания», Академик В. М. Бехтерев. 3) Художественное декорирование столов на юбилейном банкете. 4) Угощение иностранных гостей.

сокровищницу науки. Бурными аплодисментами было встречено присутствующими заверение представителя германских университетов проф. Гегц,

что германские ученые раскажут дома, как стойко русская наука, несмотря на 10 тяжелых для наших народов лет, выполняет свои задачи.

При настоящем номере подписчикам журнала высылается 6-ая книга приложений «Микроскоп, как его самому сделать». К. К. Серебрякова.

Издатель Изд-во «П. П. Сойкин».

Ответств. редактор Акад. Вл. М. Бехтерев.

Ленинградский Губанг № 18638.

Тип. «БЕЗВОЖНИК» ул. Толячева, № 7.

15.000 экз.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„ИСКРА“

ТРЕТИЙ год издания
ВЫХОДИТ РАЗ В МЕСЯЦ.

- Журнал „ИСКРА“** ставит своей задачей знакомить читателей с успехами и новостями науки и техники и оказывать им помощь в построении научно материалистического мировоззрения.
- Журнал „ИСКРА“** главным образом имеет в виду рабочих, работниц, рабочую молодежь, учащихся, учащихся и др.
- Журнал „ИСКРА“** объединяет коммунистов и работников науки, стоящих на материалистической позиции.
- Журнал „ИСКРА“** включает в себе отделы: физики, химии, техники, биологии, организации труда и экономических наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АНДРЕЕВ Н. Н., ГАЛАНИН Д. Д., КЕКЧЕЕВ К. Х., КОНОБЕЕВСКИЙ С. Т., СВЕНЧАНСКИЙ С. Д. и ЯКОВЛЕВ Я. А.

СПИСОК ПОСТОЯННЫХ СОТРУДНИКОВ:

Проф. Андреев Н. Н., Башмаков В. И., проф. Беликов В. В., Бене Н. П., д-р Бернштейн Н. А., д-р Бружес А. П., проф. Будников П. П., Быстров А., Вермель Ю., Галанин Д. Д., Гремяцкий М. А., Данилевский А., Заблудовский А. М., проф. Заводовский Б. М., Звягинцев О. Е., Зубков А. А., проф. Кекчеев К. Х., проф. Классок Р., Конобеевский С. Т., Красиков Ф. Н., Краснов Е., Кудряшов В. В., Кузнецов В. С., проф. Кулагин Н. М., проф. Лобач-

Жученко Б. М., Логинюв М. М., Лопатин П. И., Ляндау Г. А., Ляндсберг Г. С., Масловский Н. Н., Назаров А. В., Огородников К. Ф., Олешкевич Б. В., Пермяков Ф. А., Подъяпольский Н. Н., Ржевский С. Н., Россинский Ф. Н., Самойлович А., Свенчанский С. Д., Семенов А. С., проф. Семашко Н. А., Склядовский С. Н., Тамм И. Е., Титаев А. А., Тривас В. А. (художник), Фесенков В., Фортунатов Б. К., проф. Швецов Б. С., Шилов Е. А., Яковлев Я. А.

==== АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, Воздвиженка, 10. =====

Телефон редакции 4-28-30, отдела подписки 5-88-91, экспедиции 5-89-56.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ.

Подписка принимается с № 1 (на весь год).

Журнал высылается немедленно по получении денег и заказа.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА с пересылкой: на год 4 р. 80 к., на 6 м. — 2 р. 50 к., на 3 м. — 1 р. 25 к.

Цена отдельного номера 50 к.

ДЕНЬГИ ПЕРЕСЫЛАТЬ: Москва, Воздвиженка, 10, Сектор Госиздата.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ „ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Каждый новый подписчик получает немедленно все вышедшие №№ журнала и приложений, начиная с № 1-го. Журнал издается под редакц. акад. *В. М. Бехтерева*, при участии крупнейш. научных сил Республики.

В ТЕЧЕНИЕ 1925 г. ПОДПИСЧИКИ „ВЕСТНИКА ЗНАНИЯ“ ПОЛУЧАТ:

24 № № ЖУРНАЛА: ОЧЕРКИ И СТАТЬИ ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ ЗНАНИЯ; ОБЗОРЫ СОВРЕМЕННЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ВО ВСЕХ ОБЛАСТЯХ НАУЧНОГО, ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА.
12 КНИГ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХ СОЧИНЕНИЙ, В ОБЩЕДОСТУПНОЙ ФОРМЕ ЗНАКОМЯЩИХ ЧИТАТЕЛЕЙ О ПРОГРЕССЕ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журнал «Вестник Знания» на год с приложением 12 книг **8 рублей** с дост. и перес. Подписка принимается в Главной Конторе Издательства «П. П. Сойкин», Ленинград, Стремянная, 8.

„ЗАЩИТА РАСТЕНИЙ ОТ ВРЕДИТЕЛЕЙ“

(Бюллетень Постоянного Бюро Всероссийских Энтомо-Фитопатологических Съездов).

Содержание „Бюллетеня“

1. Постановления, касающиеся дела защиты растений от вредителей. 2. Научные сообщения. 3. Организационные вопросы. 4. Отчеты и хроника центральных и местных энтомо-фитопатологических организаций. 5. Хроника Постоянного Бюро Всероссийских Энтомо-Фитопатологических Съездов и его органов, Съезды и Совещания. 6. Мелкие заметки. 7. Критико-библиографический отдел. 8. Почта. 9. Разные извещения и объявления.

Размер и выход „Бюллетеня“

Бюллетень выходит 6 — 8 раз в год, размером от 3 до 5 печатных листов каждый №.

Условия подписки на 1925 год.

Подписка принимается на год и на 1/2 года. Подписная цена на год без доставки 8 р., с доставкой 8 р. 50 к.; на пол года без доставки 4 р. 25 к., с доставкой 4 р. 75 к.

Подписную плату следует направлять на имя секретаря Редакции, *В. Ю. Гросмана*, Ленинград, Ул. Чайковского, 7.

Цена отдельного номера — из расчета 50 коп. за печ. лист.

Состав Редакции.

1. Редакционная коллегия: *Аджианов, А. П., Богданов-Катъков, Н. Н., Болдырев, В. Ф., Буров, С. С., Дорогин, Г. Н., Кузнецов, Н. Я., Кулагин, Н. М., Пузов, Б. А., Редикорцев, В. В., Ячевский, А. А.*

2. Редактор: *Богданов-Катъков, Н. Н.*

Секретарь Редакции: *Гросман, В. Ю.*

Адрес Редакции: Ленинград, Ул. Чайковского, 7. Севобозра.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ.

По соглашению Издательства «П. П. СОЙКИН» с Издательством «МЫСЛЬ» подписчики журнала «ВЕСТНИК ЗНАНИЯ» могут получать, за особую доплату, в рассрочку, следующие собрания сочинений:

Рабиндранат Тагор	— 8 том., цена — 9 р.
Бернгард Келлерман	— 8 том., цена — 10 р.
О. Генри	— 12 том., цена — 11 р.
Герберт Уэллс	— 12 том., цена — 16 р.
Эптон Синклер	— 16 том., цена — 20 р.
Джек Лондон	— 45 том., цена — 40 р.

При подписке на собрания сочинений надо выслать задаток, в размере десяти процентов.

Остальная сумма подписки выплачивается в течение четырех месяцев.

Книги высылаются немедленно.

Заказы и деньги направлять в адрес конторы журнала «Вестник Знания»: Ленинград, Стремянная ул., д. № 8.

П Р И Я Т Н О Е   С   П О Л Е З Н Ы М
Н А У Ч Н О - О С Н О В А Н Н А Я   И Г Р А
„ВОЗДУШНЫЙ БОЙ“

составил А. Д. МАЛИНОВСКИЙ.

Игра состоит: из шахматной доски с изображением поля сражения, с 16 металлическими аэропланами, с 7 чертежами и брошюрою „Воздушный бой“, объясняющей правила игры. Многочисленность возможных комбинаций в группировке и столкновении фигур делает игру крайне интересной и игра приобретает характер шахматной партии.

Цена 2 рубля с пересылной.

С требованиями обращаться в Изд-во „П. П. СОЙКИН“. Ленинград. Стремянная, 8.

В виду многочисленных требований, заказы выполняются по очереди.

При сем № прилагается для всех подписчиков бесплатное приложение: книга 6-я: **Микроскоп. Как его самому сделать.** Н. К. Серебрякова.